

Алексей Шерстобитов

Онколига

Алексей Шерстобитов

Онколига

«Издательские решения»

Шерстобитов А.

Онколига / А. Шерстобитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901551-8

«Онколига» — фонд, помогающий бойцам со смертельным кровожадным врагом. Книга описывает невероятную историю онкобольных этого фонда. Больных, от которых отвернулись не только самые близкие и родные люди, государство, но и даже самый рейтинговый телевизионный федеральный канал.

ISBN 978-5-44-901551-8

© Шерстобитов А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Здесь можно найти друзей и помощь	9
КНИГА ПЕРВАЯ	10
СВЕДЕННЫЕ СТЕЗИ	10
СТЫНУВШАЯ КРОВЬ	11
ВИДЕНИЯ1	21
О.Д.2, ИЛЮША И ДРУГОЕ	35
НЕВОЗМОЖНЫЕ СРЕДСТВА	43
ЕКАТЕРИНА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Онколига

Алексей Шерстобитов

Консультант по медицинским вопросам Марина Шерстобитова

Редактор Марина Шерстобитова

© Алексей Шерстобитов, 2018

ISBN 978-5-4490-1551-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ОСНОВНОМ ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Моей маме, моему дедушке, Екатерине Козловой, каждому из миллионов чад Божиих в мучениях сгоревших в отчаянной схватке, и разделившим с ними тяжесть участи онкологии, посвящается.

«Претерпевший же до конца спасется»
(Евангелие от Матвея Гл.24 ст.13)

«Последний же враг истребится – смерть»
(1 посл. Коринфянам св. ап. Павла Гл.15 ст. 26)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так получилось, что крайний день очередного свидания, в колонии строгого режима, с супругой Мариной, чуть ли не весь прошел в разговорах об онкологии и людей, захваченных врасплох этим страшным, коварным, беспощадным недугом. Вопросы онкологии мы коснулись не в первый раз – тема животрепещущим нервом затрагивала обе семьи, теперь слившихся в нашем браке. Еще год назад, я понял своей равнодушной к этому несчастью, наступающему трети населения нашей Родины. Треть! А что мы об этом знаем?!

Марина не первый год работает волонтером в «Онколиге» – фонде, помогающем этим бойцам со смертельным кровожадным врагом. Ужасно, но эти люди в большинстве своем часто предоставлены самим себе, не окружены заботой, как скажем ВИЧ – инфицированные или те же наркоманы, кареты скорой помощи к двум последним категориям граждан, как на пожар, сторонясь из всех сил первой; онкопациенты урезаны в заботе государства – часть бюджета, выделяемая на онкологию, а тем более доходная до болящих и помощь им, вообще несравнима с суммами, почти бесполезно «зарываемыми» в наркоманской теме, а ведь в отличие от Вич-инфицированных, подавляющую часть которых составляют люди с нетрадиционной половой ориентацией и наркозависимые, то есть сделавшие выбор в сторону своих заболеваний сами, онкобольные – пораженные, можно сказать «со спины» или «из-за угла», предательским организмом, растущем в человеческом, паразитируя, разрушая, истязая беспричинно, нелюбезно, с индивидуальным подходом.

Почему к ним относятся так же, как эта болезнь, и чиновники от медицины, само общество, молчит литература, а некоторые «наиболее талантливые» предлагают создать резервацию для этих, таких же, как и остальные, рабов Божиих, выбивающихся из сил, остается загадкой с позиции разума, морали, нравственности, милосердия.

Господь не поразили этим недугом даже библейского «многострадального Иова», проведя его через многое другое, позволив врагу роду человеческому довести его почти до самого печального, без преувеличения, изверженного конца, после воздав по вере и делам страсто-терпца. Эта же болезнь заводит страдальцев еще дальше: когда пораженный онкологией замучен настолько, что решает, будто это конец, на самом деле – это только начало!

Ужасны и страдательны ступени возрастания и развития внутри человека этого врага, сопровождающиеся уменьшением желаний этих людей – с восхождением по этой лестнице, они научаются любить жизнь настолько, что способны отказаться от нее, совершенно мучительной, совсем, ради нескольких минут прежней здоровой, но быстро одумавшись, продолжают осознавать: сегодняшнее их положение нельзя назвать жизнью, и, как ни странно, при этом они живую более полноценную, с точки зрения духовности, нежели здоровые, хотя, в отличие от них, и желают ее скорейшего окончания!

Когда вначале приходит понимание опасности прежнему образу жизни, идиллии истории любви родителя с чадом, супруга с супругом, прочего, первая реакция: «Ну где же Бог?!», после, почти всем становится очевидно, что Господь никуда не исчезал, напротив приблизившись вплотную, но отчаяние старается из всех сил отвернуть страдающего испуганного человека от Создателя, – это, как раз тот момент, когда Он поднимает больного на руки. Вспомните себя в детстве, когда родитель пытался поднять своего ребенка на руки, чтобы успокоить его, но тот, изворачиваясь, ведомый непонятными для взрослого желаниями детского эгоизма, следует пути не любви, а страсти!

Почему так, почему начинает рушиться мир сразу нескольких людей, почему мать не может вырастить свое дитя, уходя, оставляет его в этом мире в одиночестве; почему Господь, сначала, дарует любовь, а потом забирает к себе одного из влюбленных; почему умирают дети, а не те, что среди человеков славятся непорядочностью, злобой, жадностью, властью, те,

кому бы по идее и нужно покидать эту жизнь такой мучительной смертью, но уходят достойные жизни, а обуянные страстями и безобразиями наслаждаются своей никчемной жизнью долго и почти безболезненно?! Сие кажется не понятным с первого взгляда, так же, как невероятно моментальное полное и адекватное восприятия новости об этой болезни, как милости Божией, о которой мечтают настоящие монахи, доходящие в своих молитвах до просьб взять на себя такую ношу вместо других, кому предназначено в планах Проведения Господнего.

Эта тема бесконечна, пугающая настолько, что люди, еще здоровые боятся касаться ее даже в мыслях, с ужасом начиная верить, будто касание хотя бы мыслью самой темы, может привлечь этого беспощадного врага к их пышущему здоровьем телу...

По обыкновению, после окончания свидания, охваченный печалью вынужденного, хоть и временного, расставания, я посетил лагерную церковь, очередь молитвенного правила дошла до молитвы об усопших. Поставив зажженную свечку перед Распятием, про себя начал перечислять упокоившихся рабов Божиих. Уже окончив, почему то не смог оторвать взгляда от пробитых гвоздями насквозь ног Спасителя, его распятые руки, будто стремились обнять меня, кровь, капая, стекала к земле – я, как и мои предки, из праха земного, омытого этой святой кровью, виновник этой жертвы! И тут меня осенило, спастись можно, лишь через покаяние! Мы хорошо знаем этот единственный путь, но зная, не принимаем настолько, что бы полностью отдаться Создателю...

После покидания этого временного мира, каждого ждут мытарства, но есть некоторые из нас, удостоившиеся их еще при жизни. Они страшны и длительны в очевидном начале вечной жизни, пока душа человека еще без нового тела, и уже рассталась с прошлым. Никто не может точно сказать, в чем они заключены, нам не дано знать доподлинно, одно ясно – таких страданий, как там, земля не видела, но мы можем спросить у избранных мучеников, каковы они здесь? По сравнению с безвременьем они краткосрочны, потому что краткосрочно и само путешествие любого родившегося в этом мире. Если помочь этим больным, проходящим мытарства здесь, то они обязательно помогут вам там – молитва каждого из них станет не медом на ваши раны, а тем, бесценным, не хватающим весомым довеском к добрым, богоугодным делам, что зачитываются вашим Ангелом в противовес обвинениям бесов.

Можно в это не верить, можно даже быть убежденным, что вас минует чаша сия – пусть так, но почему тогда почти все из этих несчастных не становятся воплощением зла от своих невероятных испытаний и переживаний, не злятся на мир, но сопереживают даже маленькому котенку, не имеющему чем язык омочить, почему ценя каждую минуту, тратят ее не на насаждения, а на созидание, почему в них не копится, вполне заслуженная, ненависть к медицинским чиновникам, часто отказывающим им в полной и адекватной помощи, не понимающих их, остающихся, после их ухода, жить, хотя вряд ли этого своим ничтожным и бесполезным существованием заслуживают? Есть, конечно, исключения, но они лишь подтверждают написанное.

Почему именно об ушедших мы понимаем, говоря в сердцах: «отмучился», о чем говорим, тем самым утверждая, что для покинувшего этот несправедливый мир, этот «уход» стал не только окончанием мук, но продолжением существования, чему мы интуитивно, почти неосознанно радуемся в своем сердце, вдруг, явственно ощущая его местоположение в нашей груди? Потому что души вечны, и еще у живых, не заглубевших сердцем, они способны ощущать радость спасенной души, чем перешагивают рубеж страха и о своем будущем, которое обязательно, рано или поздно ворвется в очевидное Вечности, покинутое зачем-то ненадолго.

Мы не можем не чувствовать это беспокойство перед самой кончиной умирающего, бывает так, что страх его настолько велик, что передается нам, как только мы осознаем происходящее на наших глазах, расставание души с телом, мы и сами ощущаем всплеск отчаяния, будто визг косы этого перехода – всего то промежутка времени и не более, разрезавшей соединяющую их плевру.

Отчаяние, возникающее у души усопшего, благодаря нечистоте совести – ибо все грешны, передается нам, как предупреждение по милости Создателя – покайтесь, искупляйте созидавая, чтобы не отчаиваться так же! Но не так у тех, кто боролся с этим отчаянием, повязанный метастазами, изрытый миазмами, обессиленный химиотерапией и облучением, они, преодолев отчаяние этого перехода, спокойно переходят из одного мира в другой, отчистив в покаянии свою совесть; наши души спокойны за них так же, как и они за себя, каждый из них – подтверждение беспочвенности наших сомнений в очевидном будущем; каждый из них пример ответа на вопрос «Что делать?» – дорогу осилит идущий, Царствие Небесное силою берется – лишь раскаявшийся способен искупать в боли и страдании, становясь справедливым и милосердным даже в изнеможении к другим, даже здоровым, служа им часто не понятным примером; каждый из них – это картина вопиющего к здоровым: храните, что имеете, благодарите за данное вам, любите, ибо не знаете, что теряете!...

Я смотрел на капавшую кровь Спасителя, каждая, пронизывая насквозь утаскивала тысячи моих согрешений, и пролетая насквозь звенела разбивающимся о Вечность: «КАЙ-СЯ! КАЙ-СЯ! КАЙ-СЯ!», но только каяться, значит, оставаться на месте!

Я начал перечислять имена усопших, «отодвинул» в сторону убиенных своими руками, ибо ни погибли от пули, из оставшихся, оказывается, тридцать процентов проходили «мытарства» здесь на земле..., значит, один к трем, что и каждый из нас последует их пути – это должен осознать каждый прочитавший эти строки еще здоровый, и каждый прочитавший уже занедуживший.

Вспомните о своих друзьях и родственниках, поставив их в ряд, последним займите место среди них, теперь рассчитайтесь на «первый, второй, третий»..., кто знает, каким номерам придется сделать шаг, вступив на стезю страданий... Помните и молитесь!...

Вам, кто не успел прочитать и ушел, кто прочитал и готовится покинуть этот мир, кто прочитал и помог уходящим, посвящается!

Здесь можно найти друзей и помощь

Фонды и организации помощи и поддержки онкобольных:

Взрослые:

Фонд «Подари жизнь» – <https://podari-zhizn.ru>

Фонд «АдВита» – <http://advita.ru/>

АНО «Онколига» – <http://onkoliga.ru>

Благотворительный Интернет-фонд «Помоги. орг» – <http://www.pomogi.org/>

Фонд помощи хосписам «Вера» – <http://www.hospicefund.ru/>

Фонд борьбы с лейкемией – <https://leikozu.net/>

Детские:

Благотворительный фонд «Жизнь» – <http://www.deti-life.ru/>

Благотворительный фонд «Настенька» – <http://www.nastenka.ru/>

Благотворительный фонд «Счастливый мир» – <https://blagotvoritelnyi-fond.ru/>

Благотворительный фонд Константина Хабенского – <http://bfkh.ru/>

Благотворительный фонд имени Арины Тубис – fondarina.ru

КНИГА ПЕРВАЯ

СВЕДЕННЫЕ СТЕЗИ

*«Если человека нельзя вылечить – это не значит,
что ему нельзя помочь!»*

(Нюта Федермессер – врач-онколог)

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТАТЬЯ 41

– Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

– В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

– Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

СТЫНУВШАЯ КРОВЬ

*«Господи милостивый, дай мне спокойствие, научи меня принять
то, что я не в силах
изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить
и мудрость отличить
одно от другого! Буди милостив мне
грешному! Да будет сие во славу Твою, во
спасение мое, по бесконечному милосердию
твоему, и да будет воля Твоя во веки веков
Аминь!»*

– Сестренка, ради Бога..., закройте форточку... – Через силу, стараясь произнести, как можно четче, выдавил из самых глубин, пересиливающих остатки здоровья, страданий совершенно лысый, будто сделанный из серовато-розовато фарфора, мужчина. Опущенные книзу, отяжелевшие верхние веки, прикрывали вымотанный безысходностью взгляд некогда светло – ореховых глаз, не выглядевший при этом волооким, скорее, обескровленным, обездвижимым, прозрачным настолько, что сквозь них просматривался холодок, давно уже «вживавшейся» в его тело, смерти.

Ни один тонко чувствующий человек не способен перенести запросто такого взгляда, оставшись наедине с таким больным, тем более, не обратить внимание на еле слышные стоны.

Совершенное обездушивание и бесчувствие, присушие, некоторым занимаемым не свои места в онкологических диспансерах, клиниках, центрах, медиков, заеденных своими проблемами, своими переживаниями, часто безденежьем, не редко безвыходностью, легли в основные фразы, ставшей ответом:

– Пятьсот рублей..., и я еще и пледик принесу... – Лицо Михалыча несколько не поменялось, лишь мертвеющий взгляд заблестел, затеплился, глаза улыбнулись, как-то изнутри, на что способны, только совершенно лишенные сил, но полные духом, люди. Мужчина вздохнул, как смог и выдохнул:

– СпасиБог..., лучше сберегу... – «Урод! Сэкономит он! Копейку ему жалко! Пол рожи уже сгнило – одни зеньки и язык, через щеку вываливаются, зубы в оскале, а все экономит... – ссс-беее-реее-гууу... – тьфу!» – медсестра сжала зубы, чтобы не повторить это вслух, но немотивированная злоба все равно выпирала, да и вонь, исходящая от больного уже порядочно достала:

– От тебя воняет, как от помойки, терпи уже! Ты думаешь, что один, а вас таких еще тринадцать на сегодня записано... – И уж совсем прорвало:

– И вообще, кто вам..., какого вы сюда ходите?! И нам жить мешаете, и себя мучаете! Ну вот не боролись бы вы с этой заразой, давно спокойно бы на тот свет отправились бы и все... Детям квартиру бы оставили, а так все на лечение ж наверняка ушло – а на хрена?! Все равно сдохните!...

– Я думал у меня кровь совсем охладела, но она от вашей ненависти к нам еще стечь может... Простите, что не могу поднять ваш прожиточный уровень..., а детей у меня нет, и не было..., впрочем, как и квартиры... – С дырой, вместо щеки понятно говорить крайне сложно, но он медленно, выговаривал, даже скорее, говорил почти мычанием, выталкиваемым слогами, что было более – менее понятно.

– Ты еще и бомж?! Твою....

– Нет... – я честный мент... – На эти слова оба переглянулись, и глядя в глаза друг друга улыбнулись..., каждый о своем...

Небольшая комната, обычная палата химиотерапии в онкодиспансере, рассчитанная на четверых – ничего особенного: несколько систем, под капельницы, столик, пошарканные стены, кафельный пол, не очень ровный потолок, каждую трещинку, которой пациенты знают наизусть, проходящие здесь терапию, люминесцентная лампа, каталка в углу, запах, въевшейся рвоты, оставленные, просверленные взглядами отчаяние и надежды, в виде виртуальных, проникающих в тело стен раковин.

Среди этого единственным движущимся предметом, идентифицируемым живым, было только эта женщина, о которой можно было сказать, как о человеке, уже успевшем превратиться в совершенного циника и непробиваемого безэмоционального существа с часто не соответствующим выражением лица происходящему у нее внутри. Зато выражение глаз было более чем красноречивым:

– Ну а я честный медработник..., другая... в два раза больше попросила бы...

Дверь отворилась, помещение мгновенно наполнилось тяжело, почти со свистом, дышащим полноватым, таким же лысым, как Михалыч, человеком. Блестящая выпуклая неровность черепа, впрочем, шла ему, будто носилась всю их совместную жизнь:

– Здоров!... – И не дожидаясь ответа, будто у себя дома, продолжил:

– Ну вот и я уже – немного припоздал!... Ё! Совсем что ли... – дубак такой... – Подойдя к окну, закрыл форточку, бросив взгляд по всей площади пола, обнаружил обогреватель и включил его.

– Что вы делаете!?!... – Лидочка, чуть было, не бросившись на вошедшего, уже хотела звать на помощь, но осеклась от одного встречного взгляда.

– Ты это..., бубню захлопни свою..., давай, давай шевели коряжками...

– Да я полицию...

– Хе, хе... Когда шпана ментов боялась-то?!... Долго тебе еще с этим возиться-то, хотя вместе-то веселее..., давай-ка, красавица, заштырь меня на красоту? – Вспомнив, что лежащий под капельницей бывший милиционер, женщина, закрылась им:

– А она здесь... – Показывая взглядом на беззащитно лежавшего Михалыча, совершенно не испугавшегося, напротив несколько даже воспрянувшего, запротестовала барышня, на что немощный поддержал с неохотой:

– Был... следяком по особо важным... – Вошедший приблизился, всмотрелся, и почти сразу, немного удивленный, уже хотел снять повязку, заслонявшую большую нижнюю половину лица, но решил все же поинтересоваться:

– Что-то я всех в городе знаю, а тыы... – не припомню...

– Хлыст, Ваня..., Хлыст... – Крепыш, к которому обратился говорящий, назвав Его «Ваней», поменялся в лице, скрипнул зубами и костяшками пальцев, сжавшихся несильно в кулаки, почувствовал испарину, выступившую на лысине – вообще весь вид, заставили, и без того испуганную женщину, сделать несколько шагов к стене, вжаться в нее, и почувствовав слабость в ногах, опуститься на корточки. Глаза закрылись с одной мыслью: «Неудачный день!».

– Хлыст?! Михалыч..., ты что ли?!... – Рука стоявшего рядом с больным, сжимавшая к этому моменту огромный пистолет, продолжила движение, самым кончиком ствола отодвигала ткань. Как только открылась прикрываемая ей дыра в щеке, физиономию смотрящего обезобразило гримасой неприязни, отвращения, жалости.

– Е-мое! Че с тобой?!

– Как и у всех здешних завсегдатаев... – рак гортани четвертой степени... * (стадия характеризуется выраженными внешними проявлениями (свищами, открытыми ранами языка, губ, проникающими ранами щёк. При этом зачастую больной не может есть самостоятельно и питание осуществляется через зонд. Голос так же нарушается)

– Даааа нуууу... Ты жеее... эээ..., я жеее..., ох, как же я тебя помню..., ты ж..., да ты в натуре, мостряга был! А че ты тут, а не в своей этой..., ведомственной больничке? Тебя-то на халяву должны лечить.

– Ваня, это я пока таких, как ты ловил и нужен был, еще мог на что-то рассчитывать, а сейчас вся пенсия в первый же день в аптеку утекает... – Иван смотрел на легендарного человека, известного всему криминальному миру – факты, будто мифы о подвигах Геракла, о котором первыми были на слуху у первокурсников профильных ВУЗов, этого человека знали даже простые телезрители, да что там все, кто хоть немного касался криминальных новостей..., смотрел и не мог понять, почему этот, когда-то здоровяк, умница, преданнейший своему делу и неподкупнейший, среди подобных ему, влачит такое горькое и не заслуженное существование.

Висевший на вешалке, изношенный почти до дыр, старый пиджак, выдавший виды других кабинетов и мизансцен, да и его самого, Ваню «Полторабатька» – скрытнейшего из всех известных криминальных личностей, впрочем, фартового, поскольку его так и не удалось посадить, даже Хлысту, откровенно «говорил» о сегодняшнем положении следователя – «важняка», раскрывшего большинство громких, не слетавших «со слуха» обывателей десятками лет, преступлений.

– Эта..., Михалыч, таккк..., это же еще тот твой лапсердачок-то..., ты ж в нем меня еще принимал, лет двадцать назад... Че ж мусора то «цветные» * (генералитет) подзабыли о заслугах? Аааа..., что уж там, наши то блатюжки тоже всё на ширку извели давно, только и могут помочь, мол, «держись братуха». Хм..., у вас же махина – министерство целое! Ты че не в госпитале-то?

– «Полторабатька», «Полторабатька»..., так я тебя и не угрел на нары..., может за это меня и посчитали недостойным персональной пенсии и специального медицинского обслуживания – как занедужил этим вот..., так и списали в обычную поликлинику... Хлыст, произнося фразу за фразой, удивлялся, что собеседник совершенно четко понимает его, хотя он совершенно не старается быть расслышанным, из-за отсутствия сил на это, медсестра ничего не понимая, пыталась ориентироваться на слова вновь вошедшего, и можно только посочувствовать ей, что происходило у нее в голове.

«Полторабатька» продолжал:

– В натуре, «Шура веники вязала» * («ничего из задуманного не получилось»). Канителился, канителился, а все мимо ништяков – не фартовый ты..., хотя и порядочный мусор. А я..., так и не за что ж меня тогда и «вязать» -то было!... – Обалдевшая от всего происходящего медсестра, как-то механически преодолевая страх, встала и принялась, «заливать» в колбу принесенные вошедшим медикаменты, почти, не отрывая взгляда от черной железяки, начавшей пархать в руке Ивана, после ее угрозы вызвать полицию, то и дело размахивавшего ей, будто забывшего о ее существовании. Набравшись смелости, уже любопытства для, девушка не очень вовремя поинтересовалась:

– А это у вас..., пистолет..., да?... – Оба мужчины повернулись, только сейчас осознав необычность для нее такой ситуации, и по силам своим засмеялись. Оружие исчезло, Андрей Михайлович Хлыст, после этого сразу стошнивший, прямо на пол, сегодняшним скудным завтраком, почувствовал на несколько минут двойное облегчение.

Иван Семенович Сталин, завалился в кресло рядом в ожидании начала процедуры, потребовав медсестру позвать его лечащего врача, оказавшегося заведующим диспансера и по совместительству ведущим специалистом, а за одно и санитарку, пообещав возместить её заботу – странно было бы по-другому.

Нужно заметить, что эту процедура должна происходить не только под пристальным вниманием доктора реаниматолога, поскольку бывают случаи, когда такую жесткую терапию

сердце пациента не выдерживает, но всегда бывают исключения, тем чаще, чем меньшей суммой денег обладает последний.

– Михалыч, ты это..., торопишься?

– Нет, Ваня, последние несколько лет, я перестал торопиться, теперь эта гадина, внутри меня растущая, бежит даже впереди моих мыслей. А что?

– Да ты ж мне как родственник..., правда, не самый любимый...

– Если бы доказал тогда твое участие в афере, да и второй раз, ты всех вокруг пальца обвел – классный ты фармазон, бОзара нет! * (Мошенник)

– Я..., я тебе потом, расскажу, кого, почему, за что ты ловил в той «афере», и зачем мне это нужно было, в моем случае, разумеется... – При этих словах интонации Ивана приняли, какой-то, для знающих его хорошо, странный, непривычный оттенок, Хлыст отметил, что предложение было выстроено несколько по иному, особенно странным это показалось на фоне в масть сказанным предыдущим речевым оборотам так и не пойманного преступника...

Через два часа ничего не поменялось, казалось силы подыссыкали, но общаться хотелось:

– Михалыч, а ты действительно думал, что я фармазон и вся та делюга выгорела * (Что я мошенник, и то преступление действительно получилось совершить, в этом случае «было»)?

– Хм, теперь сомнения имеются...

– Не имей сомнений, будь уверен, тогда ты мне пришить ничего не смог, потому как ничего и не было.

– Как так?!

– А вот так. Не был я никогда мошенником, и все, что ты обо мне знаешь – фуфель, был бы уверен, что ты за свое ремесло заново не возьмешься, может и поведал чего, а так...

– Да мог бы я тебя тогда завязать на полную катушку – это в два счета, только... вот что..., деньги то те, которые якобы были украдены, никуда не пропадали..., а долю с них все, кому положено было с этой делюги, получили..., и на дело ходили, и на дележке присутствовали, а преступления, как такового то не было! Вот зачем тебе это нужно было, я не понял, будто специально этим хотел, что-то другое скрыть.

– Все верно Андрей Михайлович, все так.... Верной тропой маршируешь, да только впотымах..., потом, как-нибудь высвечу...

– Когда умирать буду?...

– А хоть бы и так..., будь спокоен, такие, как мы живут вечно – выздоровеешь, я так хочу, пусть и без половины рожи останешься, а выздоровеешь!... Ну тебе, неужели, твое министерство совсем не помогает?

– Не будем о грустном, тебе вон тоже не очень-то твое «министерство»...

– Это я сюда сам определился – зачем мне столько денег тратить. Можно эту хемеротерапию и дома проходить, и реанимобиль под домом стоять будет – плати только...

– И сколько ж?

– Да от косаря до пяти «зелени» легко – доктор дома, машина внизу, каждый час пятьдесят тысяч рубликов...

– Сколько же мне таких, как ты посадить нужно было, что бы на это заработать?!

– Не сажать, а отпускать, хоть кого-то нужно было за долю малую, а вообще в вашем ведомстве дела заводили, чтобы потом продавать отнятую свободу. Один ты даже на горб не заработал, что бы в грамоту о безупречной службе завернуться.

– Заткнись!...

– Не поверишь, даже обидно за тебя! К тебе ведь многие из наших с уважухой и почтением...

– Просрал я всю жизнь и ничего стоящего то не сделал, лучше бы землю пахал, да детей растил! Ладно... А ты что тут?

– Кровушка «побелела»..., конечно, не то, что у тебя... пол морды к чертям собачим, но тоже..., говорят шансы есть...

Последние два слова слышал больной, ввозимый на каталке в палату.

– Мир дому вашему и милости Божией!... – Последнее прозвучало, будто сказанное очень уставшим человеком, на срезе последних мгновений бодрствования, уже захваченных крепкими узами сна. Опыт общения в криминальной среде и одному, и второму, подсказал: хорошего от такого приветствия не жди – кто мягко стелет, тот жестко жнет! Кажущийся несдержанным в своих высказываниях Сталин с легкой ухмылочкой, ответил:

– И тебе, мил человек, не кашлять..., чей будешь?... – Безо всякого злого умысла произнесенная фраза, подтолкнула на неожиданный ответ, перекладываемого санитарями на кушетку, непомерно худого человека, смотревшегося по сравнению, даже с худосочным Хлыстом, тростиночкой, случайно попавшей на тыквенную грядку:

– Божий..., из костей и кожи, из тех же ворот, что и весь народ... – Моментально сплотившись мыслью о неминуемом разочаровании в соседе по процедуре, следователь и поддельный «фармазон», наостригли уши – хотя и не был похож «новичок» на бывшего арестанта, но показался одним из тех, что проводят половину тюремного срока в церкви. Чаше люди забывали, кто их спасал в заключении, по освобождению быстро забывая о Боге, этот, кажется, не забыл, но и не показался заикленным. Иван продолжил:

– «Хозяйский» что ли? * (Мол, «бывал в лагере, что ли»)...

– Извините?..

– Нууу..., чалился?

– Не понимаю..., извините, ради Бога!

– В тюрьме сидел?

– Бог миловал... – Образ мышления и мировоззрение обоих ранее оккупировавших палату, не сразу позволили обнаружить мысли выход к разумному объяснению услышанного, пока очевидное не раскрылось само собой.

«Худому», с трудом выговаривающему каждое слово, хотелось поставить точку в разговоре, явно не уместному и несвоевременному в этот период, поэтому, продолжая поворачивать руки под иглу от капельницы, он постарался закончить еще не начавшееся:

– Отец Олег..., протоиерей, желудка уже нет, как и половины остального кишечника – слава Богу за все! Братя, прошу вас..., чуть попозже... – помолюсь пока...

– БОзара нееет. Тыы... это..., отче, не сердчай... Угу... отдыхай... – Более-менее чувствующий себя Иван, поменял позу, оказавшись чуть ближе к Хлысту. Появление батюшки оказало свое воздействие на обоих. И тот и другой достаточно видели за свою жизнь чужих страданий, мучений, болей, многое причиняли и сами, за что иногда совестились и даже калялись, впрочем, совершенно не признавая своей неправоты в содеянном.

Появление отца Олега несло почему-то облегчение – только одно появление, с этим непомерным и непонятным смирением и совсем сбившим с привычного хода мыслей «помолюсь пока», когда любой, только принявший в себя дозу, предположительно губительной для онкологических опухолей и метастаз, и точно вредоносных для человеческих организмов, химических препаратов, с трудом боролся с наваливающейся усталостью, болью, тошнотой, желая отвлечься от гнетущего и навязчивого настроения, отчаяния, от бьющегося в висках: «наверное, опять не поможет».

Эти палаты, постоянные очереди, одинаково и одно и то же не выражающие взгляды, таких же, как они, безнадежно больных, вынужденные переносить непонимание всего остального мира, его неприязнь, холодность, нескрываемую отторженность, точащие, давно истекшее, терпение, однообразные проблемы, все это ломало, перемалывало, вбивало в цемент однообразного вынужденного подвига, никому, кроме них самих, не нужного сопротивления одному и тому же врагу – онкологическому монстру, поглощающего день от дня десятки тысяч,

еще недавно полных жизни, планов, мечтаний, наслаждений, активных и не очень представителей человечества, с каким-то странным предпочтением тех, кто нуждался в прохождении чистилища – для подавляющего большинства конечного смертью от последнего испытания, для меньшинства, якобы выживающего, лишь одного из них.

Большинство научается смиряться со своим положением, не теряя надежды, даже на смертном одре, смиряется с болезнью, участью, не сбывшимися мечтами, не достигнутыми целями, полагая оставшуюся часть своей жизни на выбранное стремление. Вот в этом последнем только и различались, разнились, будут не похожи они, да пожалуй, еще в отношении родственников к происходящему с ними.

Все страхи и опасения, весь, переполненный переживаниями, эмоциональный фон, не многим отличается у способных обеспечить себе хорошее лечение и не имеющих такую возможность совсем. Да и какая разница, смотришь ты на приближающийся промежуток времени перехода «от сюда туда», называемый смерть, с конфеткой во рту, лежа на мягких перинах или черпая суп, приготовленный из гнилой картошки и содержимого банки дешевой тушенки, наполненной, чем угодно только не мясом, сидя на деревянном, оставшемся от деда, табурете!

Глупо мучить себя переживаниями о том, каким будет «ваш уход», если все существование на земле, не отмечилось ничем замечательным, достойным благодарности человеческой и славы Божией – тщетной прошла жизнь, ничтожны и равны, как все, вы перед смертью. Открывающаяся приближающаяся очевидность пугает уже понятными перспективами в Вечности, нить милости Божией вот-вот обрывается, как канат над пропастью под вашими ногами, мытарства, как Дар при жизни, оказываются ожиданием ада, но еще есть возможность присоединиться к поющим «Аллилуйя», еще возможно будет победно бросить в личины недругов – производных недуга: «Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?!» * (1 послание коринфянам св. ап. Павла Гл.15, ст. 55) – условие прежнее, как и Господь все тот же – покаяние! Да не оставит никого Бог пред кончиной без этого дара Своей безграничной милости!...

Настолько тонка и очевидна бывает интуитивная чувствительность онкологических больных, как, наверное, и всех болящих тяжелыми, не исцеляемыми смертельными недугами, в отношении своих «соратников», что удивление от осязаемого и Андреем, и Иваном, почти физически, исходящего тепла, тихого радостного смирения, сбывшегося еще при жизни, вымолвленного чуда, в ореоле которого и пребывал, лежа в безмолвии, беспомощности, сияя так же ослепительно, как и совершенно не материально, что чувственно только внутренне добрыми сердцами людей, которые, бывающими, кстати, далеко не сразу заметными, случаясь и у, казалось бы, далеко не добрых высших созданий Божиих. Одно внедрение в вашу жизнь, оканчивающуюся таким кажущимся несчастьем, потому как ничем другим поначалу казаться и не может, такого человека, возможно и совершенно немощного физически, но лучащего этой светлой силой надежды и поддержки, возбудит в вас, в совсем отчаявшемся и озлобленном, желании идти дальше, не сдаваясь, не унывая – его пример сподвигнет к поддержке вас и ваших родственников, что быстро убедит их в вашем выздоровлении.

Одно такое доброе чудо на сто событий подавляющих вашу волю и веру, способно зарядить и утвердить вброшенное Богом духовное зерно, с духовной точки зрения, на благодатную почву, с материальной – на совершенно не здоровую и не годную уже ни для чего. Как мягкий, нежный, невероятно живучий росток пробьет он любую преграду к солнцу, быстро разовьется в мощное древо милосердия, окормляя своими плодами, каждого жаждущего их.

Смертное зло прорастает в слабости, привлекая к помощи уже проникшего в сердце ожесточение, любое бессмертное доброе начинание не нуждается в поддержке, ибо Садовник его Сам Господь! Первое не может дать силы, но лживо пытается заместить дары Создателя, брошенные нами в отчаянии, рано или поздно, воинствующий дух злобы, уберет распорки свои крыльев, оставив данную поначалу взаймы поклонившемуся ему человеку, ненависть к Богу, поскольку страх его нечем от человеческого не отличается, и он так же страшиться возмездия

в Судный День, как и любой потомок Адама, и так же, как любой из нас уверен – страдать легче вместе, чем в одиночестве. Легче принять мучение в толпе подобных же тебе, чем зная свою падшую сущность страдать за свою вину вне других взглядов в одиночестве, не видя и не чувствуя боли других.

Может быть, поэтому страдания воспринявших в себя не по собственной воле это жало медленной мучительной смерти несчастных счастливых, и протекают в основном в одиночестве, ибо не сын погибели с ними, а Господь держит их на руках Своих!...

Явление отца Олега оказалось не столько неожиданным, сколько глубоко проникающим воздействием в их сердца, заставившее разорвать привычное течение круговорота мыслей. Эти люди хорошо умели, благодаря опасному образу жизни, задумываться глубоко и подробно, но не глубоко и эмоционально переживать.

Господь знает каждого и вчера, и сегодня, и завтра, и на Страшном Суде, спасая, милосердствуя, любя, вынося и вынеся уже нелицеприятный приговор. В Вечности и Истине нет времени – этому Он и учит страдальцев, убеждая, прежде всего – все испытания временны, как и краткий путь в узких и неудобных проходах врат на пути, ведущих в Царствие Божие. Все тяжелое, страшное, мучительное, любому испытывающему эти муки кажется непереносимым, прежде всего, из-за представляющейся бесконечности этих испытаний, ибо страшны мучения и боль не своей силой, а своей продолжительностью!...

Тем для разговоров было множество, но чудным образом, мысль, о любой из них, обрывалась в самом начале, язык пресекался на первых буквах фразы, становясь тяжелым, переполняющим полость уст неважностью и пустотелостью остановившейся сути, головы заполнила туманная тяжелая бесцельность, безнадежность, вакуум, пробиваемые лишь одним лучиком – путеводным, исходящим, издали пульсирующим светом. Обоим показалось, что каждый имеет что-то общее с накрытой клетчатой одеялом кучкой остро выпирающих костей, венчанной на подушке, обтянутой кожей, обезвоженной, идеально вторящей своей формой черепу, головой священника, с как-то неожиданно появившейся на ней черной шапочки с крестом на лбу.

Впалые глазницы, колющие глазными яблоками, покрытые полупрозрачными обнаженными веками, напоминали восковые мощи давно отошедшего «в Бозе», богоугодного своими делами, человека: «Помести такого в серебряную раку, одетого в схиму, чем не чудодейственная святыня?!» – такая мысль безотчетно и беззлобно царапнула Андрея Михайловича. Совет, всплыв, попыталась было застыдить ранившего ее святотатством, но застыла, увидев благообразный профиль отца Олега – «Ни такой ли он у святых Божиих еще при жизни?!» – вслух же у человека вырвалось, неожиданное для него самого:

– То-то..., а я еще далеко, да и дойти не умею... – Внутри себя и о себе, не замечая всего внешнего, совершенно покинув все проблемы, страхи, старого-нового знакомого, почему-то, как-то неожиданно полюбившегося, даже отодвинув ужасную болезнь на неосязаемый план, продолжал Хлыст: «Что „не умею“, того даже и не знаю! Такая нужная работа – тягло неподъемное, а сейчас обида на тщету прошлого, ибо и зачесть то мне нечего будет защитнику моему на Суде то Страшном, из того, что оправдало бы мое существование! Что я сделал? Разве может цениться деятельность человека, если она не созидает?! Защищал я!... А защищал ли, в этом ли был мотив моей работы? Просто ли работал ради обязанностей и долга или тщеславие быть лучшим гнало меня, зачем работал мой мозг? Что он наработал? Как можно считать свою деятельность полезной, если ты есть только винтик в сломанной машине, движимый не самим двигателем, а тягловой мощностью чужих бед и несчастий?! Зачем я был нужен, если работал честно, почти идеально, без огрехов, а под конец карьеры, оказывается, стал негоден, поскольку не захотел переступить через себя, выполнить подлое указание сверху, опорочив невинного человека?! Вот кроме этого-то и гордиться то более нечем! Расскажи Ване, поведай я это, ведь осмеет! Он то всю свою жизнь хаял государства, то одно, то сменившее следую-

щее, теперь нынешнее, я же все служил, служил, служил верой и правдой, а правда то вот она, на койке рядом, скрытая в изможденном почти трупe, обтянутом кожей – я все о печалях да о своих болях, а он „помолюсь пока“!».

– Андрюх, ты чего? Не пугай – лица на тебе нет!... – Сталин, даже вперед подался, чуть не грохнувшись с кресла, пытаясь заглянуть в глаза неожиданно ставшего близким человека:

– Шепчешь чего-то, совсем не ты...

– Вань, а ведь знаешь..., может быть..., знаешь, ведь сейчас на всем белом свете тебя ближе и нет никого у меня...

– Ну, мент, ты даешь! Ты ж меня крыл по-черному половину моей жизни, а теперь в родственники...

– Угу..., то-то и оно..., а знаешь, почему меня на пенсию...

– Так ты ж стар, как фикалия мамонта, да и затмил, наверное, собою новое, рвущееся к регалиям и постам, свежеспеченное новое дер..., прости..., что-то я разошелся... А что ты имеешь в виду?

– Да нет, Иван Семенович, я отказался одному именитому преступнику статейку предъявить больше содеянного, он хоть и преступил закон, но в этом нисколько не повинен был...

– Ну и молодец, хоть выгорело чего?

– Я о тебе лучшего мнения был, хрен ты моржовый, а не родня!

– Ты, Андрюх, мою «родню», будь она не ладна, по нарам рассаживал десятками, а теперь в жилетку плачешься, я так понял, что тебя турнули под зад коленом, за твою же неподкупность и честность, так сказать, за отказ выполнить указивку сверху, что помешало этому замечательному «сверху», хапнуть приличную сумму, а то и создало опасность таковую возможность вообще потерять. Ты сам-то понимаешь, что там, на верхах этих, по-другому мыслят, хотя, каким образом эти перемены происходят с карьерным ростом, для меня неведомо – были такие же, как мы с тобой, а потом раз, и небожители, буквально «бессмертные»! Так вот, без обид: ты по обязанности жил, а они исходят из: «а мне это нужно»; «чем он мне дорог»; «что я за это поймею». А потому и нечего удивляться «перу в ж..у», и кресту ни на грудь, а на спину! Твое счастье, что не посмертно...

– Все верно ты поешь, птаха вещая, и ведь выходит, если так рассуждать, что ты правильно жил..., да только не верно это!

– Не верно?! Да половину, кого ты до суда довел, потом по условно досрочному освобождению на те же нивы за бабло выпускали, только уже под «мусорские крыши». Ты зачем их сажал то?!

– Ну как в законе...

– Ну и кого твой закон исправил или наказал?

– Ну всяко было, по крайней мере, ко мне лично претензий ни у кого... Я закон законно применял..

– Я тебе больше скажу – даже никто не обижался! Все по справедливости у тебя было... – Что-то смутило говорившего, оба ненадолго замолчали, и через минуту-другую, осененный догадкой Сталин выпалил, глядя на батюшку:

– А ведь..., Андрюх, ты ведь не к себе справедливого и соответствующего отношения требовал, но справедлив к другим был: виноват – получи; без вины – пшел вон домой! Может я, чего-то недопонимаю, но не в этом ли обязанности каждого – честно и верно поступать в отношении других, оставляя свою жизнь на милость ..., это..., Бога?! Выходит ты жил то правильно, а вот..., и сегодняшний день не наказание вовсе, ааа..., так сказать..., «химчистка»! А?!... Ты вон на оперов, которые с тобой-то работали, оглянись, посмотри...

– Да там тоже все..., одни пенсионеры...

– Ааа..., ты вот ответь: почему ты не в своей ментовкой клинике лечишься?

– Таккк..., сказали, что какое-то..., то ли распоряжение, то ли закон...

– Ладно..., ты ведь мне тоже не посторонний, да и обманул я тебя...

– В смысле?

– Да не был я «фармазоном» никогда..., яяя..., Андрюш, по другой стезе шествовал, но об этом потом...

– Ну как решишься... – я ведь не у дел...

– Вот как поверю в это, тогда и поговорим... Так че ты такой бледный то, чай не прибраться * (Богу душу отдать) собрался?

– Да тошнит – на противорвотные денег не хватило, без них...

– Да ну! Ну ты..., ах, в следующий раз непременно вместе пойдем, на это-то у меня хватит! И ведь в натуре, как родной ты мне... – за один то день!... Извини перебил...

– Да уж..., вот смотрю на попа этого..., вот ты знаешь..., ну приглядишь, что видишь? ... – Кроме пошлятины о внешнем виде, пока ничего путного Ивану в голову не приходило, хотя и признавался он себе, в каком-то странном ощущении, о нем и поведал:

– Ничего, кроме почти трупа не вижу, а вот, чувствую... Вот ты знаешь, Михалыч, никак я не мог понять, как можно с придыханием, как это..., к мощам этим в храмах прикладываться и радуясь, благодатное получать. Я ведь и верую то так..., сам не пойму как – ни Богу свечку, ни черту кочерга, как один священник мне по выходу из церкви-то сказал: «Ну что, добрый человек, что свечку поставить, что верблюда покормить?», а ведь он и прав был, хотя я чуть было ему «корыто» * (лицо) не разнес в хлам..., скорее в себя верю, да в удачно и профессионально направленную пулю. Вот, скажем, мешаешь ты мне, враг ты мне, положим, смертельный, ну осеню я тебя крестом, прощу, молитву за тебя прочитаю, ну и что? А ничего, как хотел ты меня, к примеру, вальнуть, так и вальнешь, даже не задумаешься! Ну не могу я по-другому думать, ну не в состоянии поверить я..., как это Промыслу Божию, в этом случае, довериться..., ну ведь завалишь и дело с концом! Как уповать то, когда все очевидно! А пуля..., в общем, как-то я не могу ни во что, в смысле не видимое, не осязаемое, вот так безусловно, поверить. А вот смотрю на батюшку-то..., какой-то он и не священник – кожа да кости, уже на косе у смерти болтается, лысый, без бороды, шапочка эта, как сапог на градуснике..., ааа..., ну вот, хочу я за ним идти..., и все тут! Какая-то сила в нем, в, вот так вот, упавшей груды костей, вот как сказал «помолюсь пока», так самому захотелось! Теперь даже, если бы ты в меня целился, то и руку с вальной своей опустил бы! Ну вот что это за хрень?!

– А ты почему, Вань, Сталин то?!

– Чего?... – Иван опешил – такое откровение на него за всю его жизнь, может быть, впервые обрушилось, а его не то что не поддержали, а просто в сторону увести пытаются. Всмотрелся в Хлыста, но споткнувшись о его, какой-то необычный, будто отцовский переживающий, взгляд, и сам проникся еще большей теплотой.

– Сталин, говорю, почему твоя фамилия?

– А это тут причем? Аааа... – длинная история. Я о батюшке...

– Вот и я о нем, я ведь понял почему – он Божий! Вот поднимется кто-нибудь и крикнет: «Кто Господень, – ко мне!» * (Исх., Гл.32, ст.26. Слова Моисея, обращенные к стану соплеменников, выбравших предпочтение поклониться вылитому из золота идолу, чем остаться преданным Господу, выведшему их из Египта) – он ведь первый пойдет, и с радостью погибнет... А вот я...

– Да и я...

– Покайтесь, братья!... – Неожиданно твердо и резко прозвучал почти незнакомый голос, лежащего. Оба опешили, будто перед Крестом на Голгофе неожиданно оказались, и как-то не задумываясь, одновременно прохрипели:

– Каюсь...

– Каюсь, грешен, отче!...

– Давно ли исповедовались и причащались?

– Давно...

– Ни разу..., как-то...

– Горе мне, коль не сподвигну на это... Эх, подсобить чем... – Священник пошевелился, но сил хватило только на бок перевернуться. Рука вывалившись из под одеяла, выпала из манжета рубашки, задержавшейся о матрац, оголив анатомическую четкость, подробности строения, будто без кожи, с просвечивающимися венами и мышечными волокнами, что резанул по глазам... Повиснув бессильно и бесконтрольно, она оканчивалась благословлением со знаком из сложенных пальцев «Ис. Хр.», то есть Иисус Христос, чем обыкновенно благословляют священники паству.

– Слава Богу! Вы ведь тоже немощны..., надеюсь ни как я... Скоро мне к Отцу моему, скоро..., благословляю вас..., обоих..., исповедуйтесь.

– Сейчас?

– Как получится..., можете сейчас, а может подготовиться, подумайте, день от дня повспоминайте всю жизнь..., к вечеру..., к вечеру половчее буду, тогда, если Господь упрavit, а нет, так... – просто знайте: первая возможность для этого, последней оказаться может, не откладывайте! Господь с вами – Он всегда между говорящих о Нем... Стоите ли, сидите ли, идете ли, а все перед ним будьте и думайте... – Он то каждого знает и от каждого ждет... Благословляю... – Пальцы нечаянно стали расслабляться, меняя конфигурацию знака, но человек, то ли усилием воли, то ли веры, собирал их вновь в нужную геометрию, что-то шепча, пока совсем не отключился. Под кожей тонких век пробежали зрачки, закатившись почти к надбровным дугам, застыв с надеждой на возвращение...

Двое пока бодрствующих перекрестились, хотя ранее и тяги к этому не испытывали... Обнаженные веки отяжелели, благословленные души, растаяв от присутствия охватившей всех благодати, будто и правда Бог взяв каждого в Свою десницу, приподнял и вдохнул Духа Святого в пересохшие, привыкшие к, исходящему из них смраду, богохульства, греха и матерщины: чем переполнены сердца ваши, тем полны и уста ваши; словами оправдаетесь, словами и осудитесь...

ВИДЕНИЯ¹

Все только произошедшее, не совсем полностью осозналось Михалычем и Иваном, какое-то обволакивающее воздействие этих, произнесенных священником, слов, теперь с ощущением тепла, начало проникать вглубь сознания. Возможно, наложилась и усталость от разговоров, смешанное с действием, вливаемой в них жуткой «химии», способной уничтожить все, что угодно, обнадеживающей, не далеко не всегда спасающей.

Почти яд – именно за ним выстраивается очередь, вокруг него крутится целый бизнес, на нем наживаются сотни мошенников, спекулянтов, лжеврачей, мешая настоящим докторам, грабя больных, кашунствуя над несчастными.

Мозг обоих потребовал одновременно немедленного и бесповоротного отвлечения, что повлекло их в обманчивые объятия видений, которые в свое время каждого должны были подтолкнуть к тому, на что благословил батюшка:

«Поворачивая голову, он, еще не различив приближавшегося человека, почувствовал радость от наступающей встречи. Невероятно, но невозможность происходящего здесь и сейчас совершенно не удивила. Голос отца, да, да, именно отца, покинувшего этот мир еще в его юности, когда он только принимал решение кем же ему готовиться стать, нарушил оглушающую тишину, одновременно окрасив окружающий мир невероятными для земли красками:

– Мой мальчик!

– Папа, но ведь тебя убили..., я за тебя мстил...

– Такой же несмысленный, как всегда, отомстить нельзя – месть понятие большого разума, единственная правильная реакция на душевную боль, причиненную тебе – это прощение, чем оно глубже, тем легче тебе будет там, и тем проще здесь...

– Что «проще» что..., и где это «здесь»? ... – Отец продолжал, совсем не замечая заинтересованности сына в неважном:

– Помнишь, когда ты шkodил, бывало, я наказывал тебя?

– Ты родитель и это твоя обязанность – воспитывать, как же мне тебя не хватает!

– Тогда ты боялся наказания, оно тебя обижало, даже унижало, но странно, я помню, как однажды ты признался, будто тебе проще что-либо сделать – что угодно, чем признать свою вину и попросить прощение.

– Да, так...

– Причем до сих пор так..., чем ты становился старше, тем крепче в тебе закреплялось эта привычка...

– Но ведь не было тебя!

– Зато ты не был одинок...

– Нет, пап, я был жутко одиноким человеком: ни жены, ни детей, ни кого, даже в знакомых люди не задерживались долго – мы не могли найти ничего общего...

– Но как только ты признавался в своих шалостях, со слезами прося прощение, то выражал нахлынувшее чувство любви ко мне, пока я сам не начинал плакать.

– Я видел, как ты меня любишь!

– И любил сам! Почему же ты разучился это делать?

– Может быть, может быть, я должен был по долгу службы ненавидеть...

– Глупости и дерзости ты сейчас произнес – нет ни одного богоугодного долга или обязанности, который заставлял бы ненавидеть других, если только находящееся в себе! Как же все извратил человек! Все, что мы делаем, будучи живыми, ведет нас к скорбям, ими и спасется.

¹ (Во время химиотерапии и вообще под воздействием сильнодействующих медицинских препаратов, у пациентов часто возникают галлюциногенные видения, накладываемые на действительность)

– Но к чему это все, я просто рад тебя видеть!

– Да ведь ты способен любить только человеческое, даже стоя на краю жизни и смерти! Господь раскрыл пред тобою эту пропасть, дал прочувствовать и слабость конечного, и силу Вечности, почему же, только ощутив физический страх и почувствовав физическую боль, ты сразу забываешь об их временности?!

– Ты осуждаешь меня?

– Нет – Один Господь вправе это делать... Но у тебя еще есть время, ты еще можешь успеть...

– Что я могу успеть? Что бы ты хотел?

– Почувствуй с Ним, то же, что чувствовал, будучи моим сыном...

– С кем, отец?

– С Богом...».

По резком прекращении видения дневной свет резко ворвался в широко открытые глаза, Хлыст даже не успел понять, где закончился привидевшееся, а где началась явь, и вообще было ли первое, и отсутствовало ли второе:

– Что?

– Что «что»? Михалыч, ты меня сегодня постоянно пугаешь! Говорил, говорил, потом упал, вскочил, прямо сразу, назвал меня «отцом»...

– Я что, что-то говорил?

– Да ты не умокал... Вскочил и сказал, что пошел...

– Куда?

– Ну это уж слишком...

– А ты?

– А что я?

– Нууу, ты сказал «с Богом»...

– Ну да, что на язык первое попало, то и ляпнул... – Андрей Михайлович силился вспомнить, что происходило в действительности, а что привиделось. Галлюцинации после химиотерапии у него бывали через раз, но ведение зацепило впервые своей глубокой сутью, до этого все больше бессвязные и пустые, полные мистики и сюрреализма. Так и не вспомнив, что он говорил, мужчина был уверен в реальности запомнившегося разговора с отцом: «Так на что же в этом случае глюк-то наставлял?! Батя, что-то совсем витийствовал..., или мудрствовал..., и кто сказал или ответил „с Богом“?! Хм... с отцом, что ли, как с Богом, или с Богом, как с отцом?»:

– Вань, а что я еще-то говорил..., что я распинался то?

– Вообще не чего не помнишь?

– Не-а...

– Это другое дело, наверное глюкануло с «химии»... А что ты запомнил то последнее?

– Дааа..., батюшка * (здесь речь о благословении на исповедь священником) на что-то благословил...

– Ого! Да это до полудня было...

– А сейчас?

– Да у тебя часы на руке... – Бывший следователь взглянул на циферблат и немного растерялся – обе стрелки показывали 12.00.

– Тааак этааа..., только что, что ли...

– Нет, Андрюш, это ровно двенадцать часов назад.

– А где я?

– Ну хоть помнишь кто ты... У меня дома...

– А почему? Почему не у себя?

– А ты мне не смог сказать, где ты живешь...

– А где батюшка?

– Да хрен его знает! Мы его не стали ждать... ладно, давай так, мне тоже хреново, ты видимо отключился, хорошо хоть сам от такси дошел..., давай-ка спать сейчас, утро вечера мудренее... Завтра разберемся...

– Да у меня времени столько нет...

– Ну, делай что хочешь, только хату не спали...

Хозяин квартиры был уже в пижаме, благодаря чему смотрелся смешно, не хватало еще пистолета, которым он размахивал с утра, примешивая к действию жаргонные словечки, часто вставляемые меж обычных.

«Лысый и в пижаме „Полторабатько“..., к тому же свободный, а в тюрьмушке он так же одевался бы?» – мысль одна глупее другой, скользили по, ощущаемому холодным, мозгу, царапая своими шероховатостями, где-то сбоку справа, будто там давили и проворачивали шарик от мороженого: «Надо срочно обследоваться, не дай Бог МТС * (Метастазы), это ж совсем уже... А! все равно сдохну!»...

Из комнаты с раскрытой дверью раздался храп, похожий на звуки, издаваемые языком при выдувании воздуха, когда кончик его касается попеременно то верхней, то нижней губы: «А вот у меня уже так не получится – воздух будет выходить, через отсутствующую щеку...».

Спать не хотелось, а вот от еды он бы не отказался – после назначения «Дексаметазона» всегда хотелось не просто кушать, но сжирать все, что не приколочено! За первый месяц он прибавил почти пятнадцать килограмм. Так случалось со всеми, диеты для раковых больных не предусмотрено, есть только предпочтения и назначения, красной икры Хлысту купить было не на что, а вот «запарики» * (дешевые сухие макароны, завариваемые кипятком), всегда были в его распоряжении.

Михалыч отправился на кухню, предполагая такую же, как у него ситуацию, но войдя, даже потерялся – его комната в «коммуналке» наверняка поместилась бы в один из двух холодильников, расположившихся вдоль одной стены. Уже опасаясь того, что можно в них обнаружить, он осторожно подкрался к крайнему и аккуратно открыл дверцу. В ответ послышался жалобный писк нескольких первых тактов гимна страны, оборвавшихся непристойным ругательством – так устройство объявляло о своем открытии.

Пожав плечами, пенсионер заглянул внутрь и остолбенел от неожиданности – все полки были забиты банками с красной икрой * (Онкологическим больные назначают по возможности есть продукты повышающие уровень гемоглобина в крови, красная икра – одно из самых подходящих средств).

Первая за сегодняшний день, после прохождения процедуры химиотерапии, слюна, жирным комом собралась под быстро увеличившимся в размере языком и тут же выкатилась сбоку в отсутствующую щеку и повисла, быстро удлиняясь. Совсем этого не заметив, бывший полковник юстиции, сглотнул пустоту, и не раздумывая, взял самую маленькую и самую большую банку, понимая, что, скорее всего, начнет сразу с обеих.

Не в состоянии удержаться, слабая от нарастающего непреодолимого желания каждое мгновение, он опустил на дрожащих коленях у раскрытого богатства, пытаясь рукой открыть крышку. Резьба крышки застыла, как кровь в его венах, так же не желая двигаться ни в одну сторону.

Большая литровая банка, мешалась подмышкой, руки, начавшие трястись от нетерпения и, доведшего до такого состояния, желания, совсем опустились, банка выскользнула и от удара о половую плитку разбилась: «Неоспоримая улика» – подумалось бывшему менту; «Мать его..., добрался, кажется до холодильника» – предположилось, в прошлом преступнику.

Через несколько секунд мысли обоих нашли свое подтверждение в освидетельствовании одним поедания икры с пола другим.

– Ну и как?!

– Неожиданно...
– Оно и видно...
– Теперь понимаю клептоманов...
– А я следователей... Шучу... Ты че по человечески не можешь?...
– Да я лет десять не ел..., да и разве люди столько икры хранят?...
– Ну это ты на холодную загнул...
– Икру эту не ел...
– А у тебя гемоглобин какой?
– Да почти никакой... Сорок еле-еле...
– А как же тебе «химию» то разрешили...
– А я анализы подделал – ну не мог уже терпеть – боль адская...
– Ну «обезболы» * (обесболивающие) купил бы...
– Да доктор..., дай Бог ему здоровья..., я хотел сэкономить, купил у него – по ангельски то читать не умею, а он мне БАДы продал... Сил-то нет ходить в аптеку – скупой платит дважды...

– Ну разбил бы ему «корыто» в дребезги! Забрал бы и его и свое бабло...
– Да не привык я силой, все законно..., а вот тут первый раз, решился нарушить...
– Тьфу ты, ну ей Богу ребенок, да и только... Ну хочешь завтра пойдем объясним кто он есть по жизни, падла?!

– Он прекрасно это знает..., ты это, Иван Семеныч, не обессудь за бардак то...
– Да что ты, только пол не вылизывай и..., ай, ну что ж ты с пола то! Ложку хоть возьми!...
На полу ни осталось ни одной икринки, плитка блестела, будто ее действительно вылизали, а Хлыст пытался открыть вторую баночку, ту что была поменьше.

Сталин, качая головой, поднял бывшего противника под мышки, с трудом перенес его в кресло у журнального столиком, и с трудом дыша, пошел за другом банкой, маслом, хлебом, включил чайник по пути, возвращаясь захватил бутылку «Монастырского Кагора», но вернувшись, застал Михалыча неожиданно заснувшим:

– Ну вот, от крыши до ворот один шаг..., если падать..., конечно... – Завалившись в кресло напротив, укрылся пледиком и мгновенно забылся то ли тяжелым сном, то его очередь настала пасть под ударом галлюцинаций:

«Как-то неудобно себя чувствуя в шортах, майке, повязанном поверх нее пионерском галстук и пилотке на, почему-то кудрявой шевелюре, с бровями, ресницами, вообще совершенно здоровым, осознал себя стоящим Иван на кухонном табурете, посреди маленькой кухоньки родительской квартиры. Мысли перелистывались, словно картотека, ни одно предположение не подходило под происходящее: ни свой внешний вид, ни сама мизансцена, ни антураж старой советской квартиры родителей алкоголиков, по очереди отбывающих лечение в ЛТП * (Лечебный принудительный трудовой профилакторий для алкоголиков советского периода). «Да что это зааа...! Волосы на башке, когда я их уже забыл в натуре! «Касяк» * (Повязка на рукаве арестанта в лагере, говорящая о занимаемой им должности в поддержку администрации исправительного учреждения. В данном случае – пионерский галстук) на шее, гольфы! Как я перед братвой оправдаюсь, это ж не обосновать ни одним форс-мажором! И че я тут завис между полом и потолком?». Взрослый внешне мужчина чувствовал себя совершенным ребенком, испытывая совсем забытые чувства детства: «Сейчас отец придет! А я даже не знаю за что на этом «лобном месте» стою! Что ж я сделал-то? Он ведь спросит, и если я не отвечу, буду стоять дальше – это ж ни есть, ни спать, ни шевелиться пока он не простит! Но за что? Что ж я сделал-то! Так, так, так... Блинчик гореленький, ну что же мне...» – слышались приближающиеся шаги, издали сопровождающиеся голосом нетрезвого родителя:

– Ну что «чума на мою голову», осознал, что натворил?!

– Да папочка... – Голос Ивана, не смотря на его шестой десяток годиков показался ему не соответствующим даже пионерскому периоду его жизни, скорее первым экспериментам сложения слов в предложения. Почему-то при всем его необузданном чувстве юмора это обстоятельство не вызвало смех, а напротив выбило объемную струйку слез. Отец с удивлением заметив слезы:

– Чего ревешь то, будто не мною, а пальцем деланный?! Стыдно, что ли? А мне думаешь легко?! Я ради этого «пузыря» * (бутылки с водкой) на работе надрываюсь, а ты его прячешь! Мать – стерва, слава Богу, в тюрьмушке, я уж успокоился – тырить у меня водку не кому, так ты теперь нашелся – не рано?!

– Папочка, я... – это не я, папочка!

– А кто, сучий потрах! Неделю стоять будешь и рассказывать «Вскормленный в неволе... петух молодой!». Давай! Воркуй... Либо неделю стоять будешь на этом табурете, как петушара на жердочке, либо..., где водка, сученьш?!... – Тут Сталин понял, что у отца пропала бутылка, что толкнуло к гениальной мысли – разбудить Хлыста, попросив его принести сюда содержимое второго холодильника... Моментально последовавшее этому предложению опровержение такого подхода, ввергло, толи в панику, толи в отчаяние, а скорее, оставив, где-то посередине. Он перекрестился. Отец взревел:

– Ты что отродье! Ты как смеешь! Ты сын коммуниста! Да я тебя сгною!... – Сын продолжил: «Скорее всего на табурете...». Мужчина сделал шаг к своему отпрыску, на чем-то поскользнулся, потерял равновесие, падая, попытался схватиться за мальчика – Ивана Семеновича, но вместо этого ударился основанием черепа о край массивного деревянного сидения. В тишине, застывшим от неожиданности и испуга, Ваню взбодрила следующая насмешливая над родителем мыслишка: «Дед делал табурет на совесть, а попалась папина башка на трезвость – поделом! Вот только кому? Сейчас мусора нагрянут, соратничек мой по болячке тут, как тут, нарисуеться, и после моего пассажа по поводу красной икры, браслетики на моих пионэ-эрских ручках, застегнет, мол, тогда упустил с мошенничеством, а папашку-то теперь припомню! Вот и помогай людям!».

Папа, застонал. Страх наказания заслушание оставило Ваню стоящим, как и прежде, на табурете, хотелось помочь, но еще большее желание одолевало сильнее – убежать, пока не досталось!

Сталин рванул, пролетев над лежащим отцом, смежную комнату, коридор, уперся во входную дверь, кое как открыл, сразу напоровшись на людей в белом, входящих в сопровождении людей в черном. В белом:

– Пожалуйста Иван Семенович на красную химиотерапию, у вас еще три сеанса, мы вам тройную дозу вкатим... – Ваня опешил, хотел воспротивиться – ведь это однозначно смерть! Но люди в черном, мило так, с интонациями вкрадчивыми и даже лебезящими:

– Не извольте беспокоиться, Иван Семенович, мы все уладим, ведь вы и папу так любили, и при жизни совершенно безгрешным были – мы вашу жертвочку на свои рамена вывесим и с ними в бой пойдем...

– Почему это «были», я и сейчас еще есть!

– Это мы непременно сейчас исправим... – И так злобенько хихикая, тем, что в белом приказывают:

– Увеличьте дозу в пятеро, он нам бы хорош был с пенкой изо рта!... – Тут Сталин понял, что не сможет отвертеться, нужно что-то делать, а поскольку мыслить в ином направлении не был приучен, подумал, что это шантаж, что от него хотят добиться признания, но вот только в чем: «мать их так и этак»! Страх подкрепленный пониманием полного в отношении себя бесправия, и для себя безысходности, подвинул его к самому краю сумасшествия:

– Я папу только что убил!

– Этого мало! Хотя любопытно, и где же трупик незабвенного вашего родителя?

– На кухне..., там....

– Не успели-с закопать-с... Странненько, обычно у вас с этим быстренько... Но этого же мало, вы же знаете, что мы знаем, все, что знаете вы сами..., и это знание свое сдерживаем, дабы вы свое знание сами нам раскрыли, дабы подтвердить наше..., пардон за тавтологию... – ну нам же надо на что-то жить!... – Ваня осознал, что это тот самый конец, о котором он совсем забыл думать, полагая, что умрет от онкологии. Надежда на выздоровление была, но почему-то боязнь ареста испарилась сразу после оглашения диагноза...

– А что же мне вам сказать?

– А мы поможем... – Тут самый смешной в черном вытащил из кармана брюк огромный рулон туалетной бумаги, не понятно, каким образом там помещавшийся, совершенно исписанный какими-то фамилиями, конец её он протянул своему собрату, отвратительно поковырявшемуся в своей голове, благодаря чему вытащил большой блестящий рог, намотав на него конец бумаги:

– У нас тут списочек, мы за вами все, знаете ли записываем... А вы оказывается честным человеком захотели стать! Михалычу своему, на ладан дышащему, решили открыться! Так он же мусорок, и узнав скольких вы на тот свет то отправили, свой долг обязательно выполнит... – До Сталина дошло, что его толи раскрыли, то ли это не люди, а... – догадка почти убила его, но больше всего, он испугался мысли, что останется здесь навсегда, так и не успев поведать о своих грехах на исповеди...

Неожиданно из кухни послышались мелодичные тихие звуки, какого-то напева. В проходе появился священник, отдаленно кого-то напоминавший, под руки он тащил то ли раненого, то ли пьяного мужчину. Пьяный поднял голову, обнаружив заплаканное, извиняющееся лицо:

– Сын, прости!... – Далее говорил священник, причем умудряясь одновременно обращаться то к сыну, то к отцу и петь псалмы:

– Молись за сына! Ты больше не можешь за себя..., а он будет молить Бога за тебя... Сын молись за отца, спасай родителя – Господь милостив, а вам, бесы: да запретит Господь – изыди нечистая сила Именем Отца и Сына и Святаго Духа! Живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного... – И в белом, и в черном, встав на четыре конечности бросились на утек, кто обычно, кто иноходью, уже в след послышалось: «Эх жаль свиного стада нет рядышком!».

Отче отпустил отца Вани, так же вставшего на четыре конечности, с виноватым видом пустившись вслед убегающим чернея на глазах, становясь похожим на головешку.

– Что это отче?

– Сила молитвы...

– Аааа...

– Самоубийц * (отец Ивана покончил жизнь самоубийством), сын мой, ждет страшная кара – они отвергли Божий Промысел, оскорбив Духа Святаго, нет им места среди чистых душ, ибо сами себя осудили самоубийством...

– А эти «копытные»?

– А как Господь изгнал легион бесов из бесноватого, позволив им войти в стадо свиней, которых те потопили в море, так и все остальные изгоняемые, до сих пор об этом и мечтают.

– А я что же?

– А тебе я уже сказал: покайся – души, загубленные тобою, ждут...».

Иван проснулся в холодном поту от криков, раздирающих его слух совсем рядом. В голове билось, толчками крови, ясное понимание необходимости следовать наставлениям отца Олега. Родителя он не любил, да и это для него при таком отношении, было просто невозможно, но сейчас понял: не в любви дело, а в обязанности перед ним и Богом. «Не забыть бы!» – только подумалось и сразу забылось...

Хлыст, царапая голову, катался по полу, кровавые царапины штрихующие кафель, размазывались, телом самого же, неимоверно страдающего от боли человека. Проснувшийся встав, доплелся до него, и попытался остановить, но сил не было, потому упал рядом в полном отчаянии – нестерпимая физическая боль другого человека отзывалась не только, не бывавшими ранее такими сильными и глубокими сопереживаниями, но и, как-то ощутимо вбивалась тупой тошнотой в грудь и верх живота – его стошнило.

Извергнутая масса очень быстро перемешалась усилиями же катающегося по поверхности пола Михалыча с кровью. Несчастный уже мычал, язык выскочил через дыру в щеке, кровавая пена замазала ворот непонятного цвета рубашки, глаза надрывались красной клеткой разбухших сосудов, и вдруг все резко закончилось.

Оба лежали в луже собственных производных своего несчастья – как же человек страшно и ясно может ощущать с боязнью предполагаемое окончание наступившего облегчения, и как забывается о конечности только отступившего, когда боль снова возвращается!

Жало онкологии не управляемо, ему нет объяснения, больные настолько измучены, что даже опасаются гневиться и ругать боль, как-то по детски интуитивно надеясь – не оскорби ее и она не скоро вернется, но не обидь или не привлеки ее внимание и она, хоть ненадолго забудется, увлечется другими несчастными, потеряет память о дороге, ведущей к нему, уже совершенно вымотанному, обессильному, обезнадёжному. Но именно, когда кажется, будто все закончилось – все только и начинается!

Эта фраза преследует каждого из них, облекаясь в разную суть, значащую что угодно: кончающиеся силы, надежду, возможности, жизнь, сам недуг, его развитие или затухание, веру, веру, веру...

– Михалыч..., ты жив?...

– Ннн... ни хочу, не могу, не могу больше так!..

– Ты что! Нельзя!

– То глюки, то боль, то поиск денег, то непонимание, то издевательства, как же я жду смерть! Я прошу, молю ее, я требую эту гадину прийти и забрать все, что во мне, вместе со мной! Я больше так не могу...

– Ну давай обезбола вколим...

– Ты что, Ваня, с Луны упал что ли! Где я их возьму? Это же целый круг ада, который нужно пройти, что бы получить..., они, давая крохи, уверяют, что этого хватит на пять дней, а этот морфий уходит за полтора дня, а потом снова, снова, снова, я не знаю, где взять силы... Убей меня, а!

– Охренеть можно – и так еле дышу, еще и за мусора сидеть! Может таблеточку?

– А есть... Дорогой ты мой, мне же отдать то нечем...

– Иди в ж..у! Босяцкий подгон тебе от Вани «Полторабатка»... – С трудом поднявшись на колени, Иван так и пошел на «четыре точки» уверенной походкой в другую комнату, что-то фырча себе под нос. Через пять минут, пролетевших для Хлыста, веянием ветерка, после немного затихшей страшной боли, он услышал:

– Андрюх, а ты че предпочитаешь, «шишки» или...

– Да я в лесу не был уже век целый..., да и при чем здесь... Ваня, опять начинается...

– Ща, бегу... – И уже потише:

– Рухлядь старая, это тебе не шпану по подвалам вылавливать!... – И снова так, чтобы он слышал:

– Ща я тебя заряжу!... Несу, несу... – Сталин появился в проходе двери уже на ногах, улыбающимся до ушей, с заговорщическим видом неся небольшой стеклянный поднос, накрытый шелковой тряпицей:

– Ща пыхнем и помолодеем – в натуре бомба, сам увидишь...

– Нннн, как болиит... Что это за...

– Канабис в чистом виде...

– Канапля, что ли?! Ты что болен! Я же мент!

– Дурак ты, а не мент! Я сам ни-ни в былые годы, выпивал-то раз в год по обещанию...

– Ваня – это статья!

– Михалыч, давай так, пока ты мой гость, а заметь ты мне еще не надоел, хотя прованял своим «плоскоклеточным ороговевающим» * (Плоскоклеточный ороговевающий рак гортани) всю мою хату, пусть хоть привлекательно пахнуть в квартире будет... Это – о-б-е-з-б-о-л-и-в-а-ю-щ-е-е!

– Ааааа! Как ты был отбросом общества..., ё мое, как же больно!... – Не слушая гостя, Иван протянул кончик мундштука Андрею, тот отмахнулся, но не попал в маленький кальян. Не встретив сопротивление, рука пролетела мимо, зацепив по инерции, стоящую у стола большую красивую вазу, упавшую на бок и покотившуюся с грохотом в сторону стены. Оба замолкли в оцепенении, ожидая, когда она расколется.

Не докатившись до стены около метра, она налетела на осколок разбитой вчера стеклянной банки из под икры, немного подпрыгнула, пролетела над полом несколько сантиметров, благополучно опустилась, продолжив движение до самой стены. Достигнув самого опасного места и ударившись о преграду, дорогой сосуд откатился немного назад и застыл.

Послышался одинаково облегчающий звук выпускаемого воздуха: один со свистом, второй, с еле слышным хрипом, оба переглянулись, вспомнив о предмете спора и уже было открыли рот, как раздался почти нежный, треск, показавшийся громом среди ясного неба. Сморщившись, хозяин квартиры нехотя начал поворачивать голову, в то время, как глаза его следовали в обратную сторону, не желая видеть очевидную картину гибели бесценной вещи:

– Нет, нет, нет...

– Угу... Ваня, ну ты это. Так вышло... Я наверное пойду... – Боль снова подутихла, а общая обстановка в сумме со вчерашней некрасивой картиной поедания икры, виделась из ряда вон..., да и курить план, бывший следовательно просто не мог, поскольку это угрожало целостности его мировоззрения...

– Хрен тебе! Теперь придется выслушать от куда эта ваза, чем она дорога, да лекцию, пожалуй, о пользе употребления марихуаны в дозах ПРОПИСАННЫХ МЕДИКАМИ * (Ссылка на статью).

– Ваня, прости, но я не могу... – это выше моих сил... ннннн!... – Боль вернулась нестерпимой работой миллиона отбойных молотков в правой части черепа, представляемых мозгодобывающих гномов:

– Да будь тебе неладно..., а другого нет...

– Тебе всего одну затяжку нужно сделать, слово даю – это обезболивающий эффект даст! ... – Трясущимися мелкой дрожью руками, стоя на коленях, сжав зубы до треска открытой в зияющей дыре челюсти, Андрей схватил протянутую руку ниже локтя «Полторабатыка» своей правой, подвел к своему рту мундштук, а дальше удивил партнера по «забаве», закрыв одной рукой трахеостомическую дырку на горле * (Трахеостомия – хирургическая операция образования временного или стойкого соустья полости трахеи с окружающей средой, осуществляемое путем введения в трахею канюли или подшиванием стенки трахеи к коже.), а другую приложив к дырке в щеке, чтобы дыму некуда было деться —только так он полностью мог попасть в легкие. Обхватив трубочку зубами, сделал, на сколько возможно, сильный и глубокий вдох, несколько малюсеньких завиточков дыма, все же просочились сквозь пальцы, и пока он сдерживал его в себе, тоненькая струйка убегала в соответствии с каждым ударом сердца, превращаясь в маленькие колечки.

– Не выдыхай, пока не скажу! Раз, два, три..., ну давай уже, че застыл то... – Выдыхая, с выражением испуга на лице, Хлыст закашлял, чуть ли не выплевывая свои легкие, но сдержался – делать так делать!

Лет пять назад Хлыст бросил курить. Ему нравилась эта привычка, но врачи чуть ли не приказали, обнаружив то ли кисту, то ли опухоль. Он не сразу послушался, за что его сразу начали лечить, хоть и оказалось – не от того. Когда идентифицировали опухоль злокачественной, она была уже на третьей стадии, и вот с того момента началась эпопея мучений. Каждый день что-то происходило, будто его кто-то испытывал на прочность, все происходящее было со знаком минус.

Он, ничего не подозревая, поведал о своей болячке, и неожиданно, не понимая причины, через пару месяцев обнаружил, что общения с ним избегают. Молодые следователи, всегда смотрящие «ему в рот», просто здоровались, пробегая мимо, стараясь обойтись без рукопожатия, будто спешат по делам, старые сослуживцы всегда находили причину, что бы покинуть курилку сразу при его появлении, даже находящиеся в одном кабинете с ним, отодвинули от его стола свои, руки их оказывались либо занятыми, либо мокрыми, либо грязными, после чистки оружия, что бы не отвечать на протянутую его. Пользоваться одной посудой, да что там, одними письменными приборами тоже никто не хотел!

Начальник, обычно каждое утро нового рабочего дня, начинавший с разговора с ним и с его советов, перестал приглашать к себе, попросив, в случае появившейся необходимости, передавать что-то через других.

В главк дорогу ему тоже закрыли, от спорта освободили, а до этого, после игры в волейбол, не мылись в той же душевой кабинке, которой попользовался он, даже присаживаясь на скамью в раздевалке после него или стул в столовой, место соприкосновения с брюками некоторые стряхивали.

Андрей Михайлович не сразу понял причину такого изменения в отношениях, а услышав о ней от одного молодого сослуживца, было возмущен глупому озвученному объяснению, но напоролся, сначала, на глухую стену неприязни, после на открытое отворачивание:

– Да что с вами?! Что произошло то, я все тот же, ну поболее и все...

– Андрей Михайлович, вы нас поймите, у нас семьи, дети, мы не хотим заразиться этим...

– Да чем, е – мое?!

– Вы больны раком, а это для нас всех опасно...

– Минуточку... – Тут он начал обращаться к бывшим рядом:

– Ну вот ты Вадим Саныч, ты же гепатитчик, но это не имеет значения..., а у тебя Пертуш, дочь и зять ВИЧевые, у Генки вообще «тубик» * (туберкулез) после Чечни, и ничего, вы же все те же...

– Не ну ты сравнил... – Тут началась очень неловкая, даже отвратительная возня, взаимные обвинения, которых Хлыст уже не слышал, пребывая в шоке. Многие сделали вид, будто не знали о болезнях других сотрудников и из близких, хотя все было на слуху, но очень быстро объединились, высказали свое «фи» и рассыпались, как ни в чем не бывало, объявив о вынужденных ограничениях в отношениях.

Буквально через неделю, ему «спустили» из главка простенькое, казалось бы, дело, с признательными показаниями, одного известного, и не только в криминальной среде, преступника – «щепача» * (Карманника) с мохнатым стажем, авторитет которого расценивался на уровне вора в законе. Дело явно было заказным, поскольку наркотики подкинули его женой супруге, благодаря чему старому сидельцу пришлось «взять их на себя». Начальству нужно было «закрыть» его на больший срок, который «корячился» старику за «его», якобы, провинности перед органами, и Андрею Михайловичу было указано предъявить «сбыт» наросодержащих средств в особо крупных размерах, то есть «выписать билет» отсидевшему около сорока лет, далеко не молодому человеку, в один конец.

Они были знакомы, Хлыст уже «крестил» его однажды на три года, расстались они последний раз дружелюбно, с юмором пожав друг другу руки, но сейчас ситуация, нависла над обоими серьезной опасностью, поскольку и один и другой понимали, если не этот следо-

ватель, то другой исполнит, так или иначе, этот приказ, но этот, как раз и не был в состоянии переступить через себя, а потому отказал в грубой форме начальству, на что ему в тот же день, через кого-то передали, что в его услугах управление больше не нуждается и с завтрашнего дня он может более не считать себя работником следственного комитета.

Дальше началась волокита, от постепенных вычетов из предполагаемой пенсии, обязанной быть достаточно приличным содержанием легенды сыска, до эпопеи в спецгоспитале, каждый раз ему в чем то отказывали, уменьшая льготы, возможности, будто издеваясь, передавая их другим, вовсе не нуждающимся в них и, тем более, не заслуживших. Он терпел, смирялся, пока в день назначенной второй химиотерапии, на которую он явился во все оружие, ему не объявили, что он теперь приписан к обычной гражданской клинике и терапию может и будет проходить в обычном онкологическом диспансере, где всем было совершенно плевать кто он и что он...

– Эй! Михалыч, ты че, творишь то?! Выдыхай, позеленел уже..., ну слава Богу, я уж думал ты забыл, как это делать... – На Ивана смотрели огромные до блеска отполированные восторгом глаза, обладая большим опытом в части человеческих эмоций, Сталин констатировал для себя: «Сейчас он может отдать даже собственную душу в благодарность за это облегчение..., так, теперь важно, объяснить, что больше не стоит увеличивать дозу...»:

– Андрюх, че молчишь то? Ну как голова, челюсть, вообще самочуха-то как?

– Аааа ууууф... Этооо, чавой то? Ты, тут..., я как заново родился... Это наркотик?

– Так... Вряд ли ты сейчас внимательным сможешь быть... Канабис относится к наркосодержащим средствам...

– Уф! Да я это знаю, следовательно же...

– Ну а чего тогда не понятно?

– Ты говорил, что есть статьи какие-то, медицинские исследования, даже разрешено где-то и применяется – это правда, что этому употреблению есть обоснование?

– Ты что на Луне что ли все это время жил? Да каждый наш, ну в смысле онкологический знает, что и это, и другие, типа наркотики в определенных дозах, действуют, как обезболы... Конечно, если бы эти врачи давали бы обезболивающие, бозара нет, и этого не нужно было бы...

– Ну да, у нас безысход, я сам году в седьмом или восьмом посадил одного ветеринара..., смех конечно, то есть ужас, конечно, но закон был (созданная в 2003 году Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков РФ * (ФСКН РФ) начала необоснованные гонения на ветврачей за использование кетамина, поставив вопрос об ужесточении правил его использования в РФ. Уголовные дела, заведенные в отношении 26 ветврачей, привели к полной парализации работы ветслужб и, по сути, к запрету на профессию. В создавшейся ситуации ветврачи оказались между двух огней: в случае проведения операций с наркозом – быть осужденными за сбыт наркотиков по 228 ст. УК РФ, или – в случае операций без наркоза – за жестокое обращение с животными по 245 ст. УК РФ.), иии..., в общем он на операции животинку обезболит, его и поймали на этом – постановление было, основанное на новом законе – изъять наркосодержащие средства из оборота в среде ветеринарии, мол, животные потерпят, ну в общем настоящие то врачи, не могли видеть, как животные мучаются и, конечно, игнорировали, вот нам и «спустили» задачу привести ситуацию в соответствие с новым законом. Опера «приносили несчастных в клювике» и нам деваться было некуда, а они и рады были стараться...

– Вы что больные, что ли... Хотя что удивляться, сначала, животных мучили, а как испугались, что Европа прознали, на людей перешли?

– Прав, тысячу раз прав! Действительно, Европейцы и вообще весь цивилизованный мир просто дар речи потеряли, узнав об этой живодерни, ну а люди..., а что люди, я был слуга закона..., верой и правдой служил, дальше этих строк в уголовном кодексе не видел, да и смотреть не хотел и права не имел, так и в ВУЗах учат – не ваше дело, почему и зачем... – Сталин

и себя-то не очень любил, далеко не всегда был, не только справедлив, но и прав по отношению к людям, что его мало смущало при принятии решений, но какое-то внутреннее, очень трепетное отношение в необходимости быть справедливым, и чуть ли не защитником беззащитных тварей и детей, всколыхнуло в нем нечто, сродни неприязни к этому человеку.

Вдруг он вспомнил мелкие подробности из общения в бытность того следователем по его собственному уголовному делу, какие-то подловатые уловки, маленькие пакости, вот это очевидное показное превосходство в создавшемся положении, когда он арестант СИЗО не мог быть равным ему, хотя и чувствовал себя выше морально и даже нравственно.

Тогда Хлыст не мог зацепить его ни на чем, понимал проигрышность своей позиции, слабость, а точнее отсутствие фактов, из-за чего должен был уже отпустить, хотя бы под «подписку о невыезде», но продолжал держать, а в конце устроив, на профессиональном языке «прожарку» – запихнул сегодняшнего «брата» по несчастью в «пресс-хату» * (Камера, где под «крышей» оперативных сотрудников СИЗО собираются арестованные, наиболее дерзкие, давно пошедшие не только против воровских традиций, но и забывших все человеческое. Обычно это преступники, которым, в связи с их положением нечего терять, как им кажется, и таким образом они стараются заработать защиту работников СИЗО, выбивая показания из других арестантов, заставляя отказываться «правильного», по тюремным меркам, образа жизни) где того били, как боксерскую грушу, пытаясь выколотить признание, хоть в чем-нибудь.

Почему-то память Ивана имела свойство выборочности и, предпочитая забывать плохое, акцентировала свое внимание, при разглядывании прошлого, на положительных моментах. Таковых оказалось всего два: следователь признал тогда свою несостоятельность, даже извинился, пообещав, что больше никогда не будет поднимать тему этого обвинения, даже, если она снова всплывет, но она и не могла появиться на горизонте...

Сейчас он смотрел на этого странного, с его точки зрения, человека, в общем-то честного, просто не умеющего проигрывать, забывая при этом, что на кану не просто его гордыня, а судьба человека:

– Странный ты, Андрей Михайлович, человек, не понять мне тебя...

– Мшо выыымоот?... – Услышанное удивило, подумалось: «О как зацепила коварная травка!», он переспросил, из чего стало понятно, что все в порядке с человеком, а вот с речевым аппаратом не важно.

Осознав, что Иван ничего не понимает, пенсионер следственного комитета, вынул из кармана черный карандаш и маленькие, аккуратно нарезанные кусочки бумаги, воспользовавшись которыми, написал:

– У меня с дикцией проблемы – гортань же!

– Ну и что?! До этого-то понимал...

– Я сам не понял как – другие не понимают. Врачи только бол. – мен. могут...

– А как же я тебя понимал-то?

– ??? Х.З. (Хто его знает) ... Может телепатия?

– Ладно..., но я все же скажу...: ты либо себе свое мировоззрение соткал из букв своего любимого уголовного кодекса, который и определяет для тебя границу между добром и злом, либо совсем увлекся борьбой с понятным только тебе одному определением зла, где какие-то люди, типа твоих начальников этого самого зла творить не могут... – Хлыст с удивлением обратил внимание на правильно поставленную речь с красивыми оборотами, с совершенно отсутствующими словами паразитами, ругательствами, постепенно начиная понимать, что настоящий Сталин совершенно не такой, каким старается выглядеть.

– Ннннн... – Андрей замотал головой, что-то замычал, потекла слюна из под языка, оросив страшные разноцветные язвы, заигравшие на свету.

– Не мычи, попробуй, как раньше, не торопясь... – Ваня попытался, переключившись, понять, почему раньше он понимал его, а сейчас перестал, да ведь и медсестра понимала в онкодиспансере.

– Ниии тааак...

– О! другое дело!

– Ну а как?!

– Дефекты, конечно, есть... – Сталин удивился четкости последней фразы, ибо начал понимать, что дикции при отсутствии гирметизации полости рта быть не может, но он понимал, не слышал, а именно понимал, довольно четко...

– Дефекты, конечно, есть – изменение сознание на основе профессиональных особенностей... Понимаешь меня?... – Иван кивнул.

– Но как таковые добро и зло для меня лично отсутствовали – есть приказ, высвечивающий цель, остальное не так уж важно – все же очень четко прописано: такое-то преступление – такая-то статья; такое-то поведение подозреваемого побуждает на такие-то действия; есть причина – будет и следствие. Торжество справедливости в полном доказательстве совершенного преступления, зафиксированного в материалах дела таким образом, чтобы преступник не ушел от наказания, а дальше решает уже суд...

– Несколько строк в книжке с законом, значит, тебя побуждает... Ты талантливейший человек! А всю жизнь положил на поиски доказательств и их фиксации на бумаге! Вся твоя жизнь – фиксация, соображаешь? Очень близко к фикции. А потом закон, для того, чтобы его использовать законно, хотя в соответствии с имеющейся Конституцией, хотя что с вас брать, когда сами законокрючкотворцы творят не думая ни о каком соответствии...

– Да нет, как раз таки, к реалиям – не было бы меня..., таких, как я, граждане оставались бы беззащитны перед преступлениями и преступниками, понимаешь...

– В том то и дело, что боритесь вы честно, а только гидре хвосты рубите вместо голов! А они у нее, как у ящерицы – чаще сами отваливаются. Да и вообще, вы хоть знаете, что отрубая головы, обезглавленные шеи прижигать нужно?!...

– Ну, Вань, я по крупной «уголовке» специализировался, а с «прижигать» ты сейчас верно!...

– Да я не в осуждение, я то... А!... Ладно, проехали... Как ты себя чухаешь-то?

– Да полегче, Вань, но все равно, когда обезболы кололи, лучше было...

– Ну так у тебя уже стадия то..., а травка, она же... тебе опиаты прописывали?

– Их..., их..., но с этим такая кутерьма...

– Ну что займемся опиатами?

– В смысле? Я не выдержу эти поездки и очереди... Раз не дождался приема – закрыли кабинет, доктор домой, а меня вывели меня на порог поликлиники, там и провел всю ночь..., с утра был первый, а врач мой, неплохой мужик, измотанный и выжатый, как тряпка половая, ушел в отпуск, оказывается со вчерашнего дня, а без него никак, вот тут я так хлебнул!

– Знакомо..., у меня тут есть пара мыслей о заменителях – знакомцы из «наших» онкологических, бывшая шпана..., ну в общем, заменили обезболивающее на героин..., очень даже заменили – все равно умирали, а так хоть без боли...

– Нннн... Не ззааааоооо!

– Опять замычал!

– Яяяя неееааууу ааак!

– Не можешь?

– Неее...

– Заставим! Иначе от болей сдохнешь... Да ты не дрефь, это не ширяют, закапаешь и все... Или что подсесть боишься что ли?

– Нууу а-а...

– Эх, дурья ты башка..., вот мусор и есть мусор..., а опиаты, которые ты так жаждешь получить, думаешь не тоже самое?

– Хм... угу... понял...

– Ну вот другое дело... Ща позвоню, чтобы привезли...

– Не, не, неее...

– Ну тогда мучайся...

– Я домой...

– Да уж подзадержался ты у меня, гость любезный... Что ж с тобой делать, и ведь не бро-
сишь!...

– Куда ты сейчас?

У меня последний раз остался – курс закончить нужно, так что в диспансер...

Ваня вызвал такси, оплатил его, сунул в карман, совсем обессилившего Хлыста несколько тысяч рублей, и бумажку со своим номером телефона, предварительно взяв его. На том и рас-
прощались.

Сил совершенно не было, что показалось странным – раньше он быстро восстанавливался после «красной» химиотерапии, а сейчас никак: «наверное, этот дермодемом вымотал меня совершенно! Бедолага, месяца два – три осталось! Плоскоклеточный и шанса не дает! Мужик то хороший, честный, ну как с ним так обошлись?!». Веки стали закрывать, но телефонный звонок заставил, пересилив себя, добраться до телефона:

– Ааало...

– Иван Семенович?

– Положим...

– Не узнал?

– Тьфу ты, привет, док! Ты прям во время...

– Сучилось чего? Как ты?

– Да вчерась «красную» сделал, сегодня совсем слабый, будто всю ночь били...

– Семеныч, а облучали до этого, как я прописал?

– Угу...

– Че еще принимал?

– Все аптеку сожрал, заедая красной икрой...

– Да что вы эту икру то ложками..., это у тебя первая процедура, или уже весь курс закончил?

– Честно больше не лезут эти красные шарики... Ты о таблетках? Да все, блин не лезет! Ты уж вернулся или еще на даче?

– Да... На даче... Так с мамой был...

– Ну с мамой так с мамой – святое дело... Че мне делать то, что-то после вчерашнего поплохело, думал через день делать «химию»...

– Ты же не в первый раз – это нормально... Давай каждый день процедуру... Гемоглобин то как был?

– Да надо бы – только начал курс то... Да пойдет выше среднего... Ты прав конечно!

– Могу подъехать, мне все равно в ту сторону...

– Что ты зачистил, у тебя-то все путем?

– Да у кого теперь все путем-то?

– Вот так вот лет сорок назад, когда я тебя у старшеклассников то отбивал, и не думал, что в такой ж..поре попадем...

– Через сколько будешь там?

– Дай часик... Как бы мне ждать не пришлось у двери...

– Ты чего на бесплатную?

– Дааа..., что-то..., дернул меня... – тебя ж не было!

- Да ты сам всех и все знаешь... Экзотики захотелось? Надышался поди?
- Да у меня ж нюха после контузии в Афгане, так и не появилось. Ладно, давай, жду тебя...
- Ну ты... обнял!

О.Д.², ИЛЮША И ДРУГОЕ

– Привет, сестричка!

– Здравствуйте, Иван Семенович, вы снова на «красную»? Странно вас здесь видеть, неужели приглянулся кто?

– Красотуля, тебя бы я давно заграбастал, да выгляжу пока не очень... Да и Илья запрет поставил...

– Дааа, он у нас только к пациентам добр...

– А где же он?

– А где самая большая очередь, там и он...

– Ааа... точно – забыл... И где ж у вас самая, самая?...

– Сейчас узнаю... – После первого сеанса «химии» в диспансере Иван и, правда, был не в восторге. Он привык к другому отношению, к лучшему комфорту, да и пациенты здесь были обычные люди, хотя эта мерзость, которую по имени стараются не называть болящие, равняет всех, почти, как сам переход в мир иной.

Сталин обернулся на внезапный шум у процедурной палаты, где вчера столкнулся с Хлыстом. Неприятное предчувствие кольнуло под «ложечкой»: «Андрюха же тоже сюда поехал!» – из двери показался еле стоящий на ногах мужик, держащий с руках систему с болтающей на ней капельницей, по цвету лица, полукрытому рту, как бывает у обезвоженных долгой лихорадкой больных, полуприкрытых глаз и повисшей на груди голове, было видно, что ему нужна помощь, но вместо просьбы помочь ему, он требовал ее для другого.

Иван, еще не накопил сил, распластанным валялся на диване, принимая на свое тело атаку за атакой мурашек, от одной только мысли, что после очередного сеанса ему будет еще хуже, чем сейчас, но не отпускающая мысль о своем новом-старом знакомом, оказалась сильнее. Он попытался встать из глубокого сидения, с трудом, наклоняясь телом вперед так, чтобы центр тяжести заставил его перевалиться и оторвать задницу, но где-то на половине пути повалился на бок. Вовремя подоспела знакомая медсестренка, ушедшая узнавать о местонахождении врача:

– Что-то вы совсем плохи! Гемоглобин то как?

– Был бы плох до «химии» не пустили....

– Ну да... Извините... Я нашла Фомина, Илья Александрович..., и в уборную зайти не успел, как его облепили...

– А меня вот влипили..., влип... Верочка посмотрите, кто там..

– Где?

– Да вот в той палате, кто там?

– А..., поняла... – Девушка еще не успела подойти к почти падающему у двери палаты, вызывающему о помощи, больному, как из-за угла вылетели два санитар в сопровождении реаниматолога, ревущим, как серена. Бывшие в коридоре с пониманием вжимались в стены, ведь в следующем раз они сами вполне могут оказаться на месте того, к кому спешила команда. Медсестра схватила мужчину с системой и приложив невероятную для нее мощь, подняла, оставшегося вертикально относительно пола, и перенесла на диван к Ване:

– Пусть здесь постоит!... – Больной упал, как подкошенный, Сталин смог молча поймать только систему с капельницей, так и оставшись с ней в руках: «По ходу, до вечера в диване, придется быть стойкой для его капельницы вот этому пассажиру...».

Вероника, уже неслась в палату, готовая помочь чем угодно. Через минуту, она почти бегом вперед спиной, вылетела из нее, вслед за ней почти не касаясь пола, плыла каталка,

² (Онкологический диспансер)

не толкаемая, а несомая санитарями, врач, как казалось окружающим, летел рядом, совершая какие-то невероятные пассы обеими занятыми руками. Женщина успевала разворачиваться, открывать двери, поддерживать подаваемые реаниматологом, какие-то предметы, отвечала на вопросы и предупреждала о необходимости посторониться впереди стоящих.

Палата интенсивной терапии располагалась этажом выше, а время, кажется, поджимало: «Интересно, кто же это все таки?» – на вопрос Ивана самому себе, с каталки свалился и начал «дирижировать» в такт движению рукав знакомого старого пиджака – по всей видимости его кинул какой-то доброжелатель поверх тела Хлыста.

– Хлыст, твою... Ты что, гандила, бросить меня вздумал?!... – В голове пронеслось: «Когда шпана ментов боялась?!», следом последовала другая, совсем не присущая ему мысль: «Да какая разница, мент или шпана, Андрюха, держись!». Решив остаться с позвавшим на помощь, при этом еле державшемся на своих ногах, мужчиной, «Полторабатыка», как-то разгорелся к нему благодарностью за такую услугу, и уже было хотел заговорив, поблагодарить, но посмотрев, понял, тот сам, чуть ли не при смерти:

– Да что же это... Вот что значит за бабки в гордом одиночестве «химичиться», там тебе и сестричка, и врач, и друг детства и телевизор, и..., а здесь... – Ваня вспомнил, как проходя мимо одной из палат, увидел не молодую женщину, проходящую терапию сидя на обычном стуле, впрочем, это только сейчас до него дошло, зачем она там сидела:

– Господи! Даже не в кресле! Даже у меня, мужика от этого кровь в жилах стынет!... – Неожиданно его привлек голос почти из преисподней, звучащий у самого уха, Сталин вздрогнул:

– Что?!

– К исповеди готовились?

– Какой наааа исповеди... Е моё! Ты?! Бррр..., вы, батюшка... – вот уж не признал, век свободным будешь, нуу..., в смысле проживешь... Так это вы Хлыста то спасли? А вы же не ходячий!

– А я и не хо... – На этом силы священника снова иссякли и он привалившись головой к соседу, впал в полуспячку – полузадумчивость. «Если Илюха не придет, я здесь с этим протоиереем Олегом окочурюсь... А что – неплохо, он меня и отмолит..., если, конечно, на том свете вспомнит, кто ему эту капельницу держит» – почему-то сразу склонило в сон, последним видением из настоящего могло стать приближение, почти ангела – милой невысокой девушки, совсем худенькой, с большими, нет, огромными глазами, полными переживаний, надежды, удивления, но первые, произнесенные ее слова, вернули к бодрствованию с другой мыслью: «Никогда не слышал голоса ангела...»:

– Папочка, а почему ты здесь..., ну да..., здесь же поудобнее... – Она посмотрела на отца, следом на еле открываемые веки его соседа, так и не дождавшись, конечно, дочь протоиерея, бережно переняла капельницу из рук просыпающегося, благодарно погладив их.

– Спасибо вам, давно не видела его сидящим...

– Здравствуйте... Я тоже думал, что он ходить не может...

– Что вы..., меня Алей зовут, Алевтина значит, он лежачий..., сосем... – «Хм..., как и мою дочь..., когда-то..., знак, что ли, какой-то?!». Она опустила головку и исподлобья, взглянула на родителя, тот почувствовал и встрепенулся, приоткрыв глаза, а увидев ее, улыбнулся из последних сил:

– Лежи, лежи, то есть сиди, папочка! Я подержу, вот и мужчина...

– Иван...

– Иван держал, а я уж тем более справлюсь... – Иваном овладели смешанные, как буря с ураганом, чувства. С одной стороны он не мог оторвать взгляд от появившегося существа, сравнивая ее с возможными чертами лица своей дочку, которую видел последний раз еще ребенком, с другой распереживался, что было для не характерно, об Михалыче, с третьей – он

совсем уже опаздывал на свою химиотерапию и к Фомину, и главное – с появлением дочери священника ему страстно захотелось жить, давно не испытываемое с такой остротой чувство! Решив застыть рядом с самой, так внезапно, посетившей его жизнью в девичьем облики, он с трудом забравшись в глубокий карман пиджака, вынул телефон и осторожно начал набирать смс:

– «Илюх, я на втором этаже, даже не могу подняться с дивана..., и даже не хочу... пока не на процедуре... обнял»... – Нажатие на кнопку посылки сообщения показалось ему целым подвигом, и как поощрением за него будет, сколько-то времени поведенное с этой девушкой...

Илья Александрович этого не знал, и при первой возможности рванул к другу... Застав картину полного отсутствия своего бывшего одноклассника в этом мире, он отметил, давно не видимый в его глазах блеск жизни. Не совсем понимая причину, вслух сказал:

– Ну вот, здоровяк, я же говорил – ешь свеклу вместо своей этой красной икры, будет тебе гемоглобиновое счастье! Ты че застыл то?... – Иван глазами показал на застывшую, стоявшую на коленях пред отцом, Алевтину.

– Алевтина Олеговна, вот от вас-то не ожидал такого! А ну ка быстро в палату, вы что забыли, что таким иммунитетом, как у наших пациентов, любой сквозняк опасен! Быстро в палату...

– Я его одна не подниму...

– А..., ну да... Вставай, старикашка, чего расселся! Вдвоем справимся...

– Илюш, я не могу...

– Что с тобой?

– Сил нет совсем, вчера еще более – менее, а сегодня...

– Гемоглобин сколько?

– Дааа...

– Так всем сидеть на месте...

– Да мыыы...

Через две минуты протоиерея занесли в палату, а Ивана Семеновича с помпой вез на каталке сам главврач диспансера. Эспресс-анализ показал ужасно низкий уровень гемоглобина, врач потребовал бумажку с предыдущим анализом, посмотрев, убедился в правоте заявляемого другом, почесал в затылке и собрался было пойти в лабораторию, как отрыв дверь, увидел огромную очередь:

– Да это же не мой кабинет! От куда они здесь?!

– Да ты что не знаешь?

– Где мой кабинет я прекрасно знаю... – Чуть ли не со злостью изрыгнул Илья, но быстро осекся, вспомнив, что тем, кто за дверью, хуже, чем ему в тысячу раз...

– Так кАпаться будешь здесь, пойдет?

– Дааа...

– Ну «да», так «да»! ... – Дав медсестре необходимое указание в отношении друга, уселся за стол и начал прием, как это часто у него бывало, без записи... С каждым появляющимся своими ли усилиями, родственников, с больными прибывали и облака, ощущаемых буквально физически, пережитого вчера, чувствуемого сейчас, опасения ожидаемого завтра. Глаза входящих, редко полные жизни, однозначно выражали глубину понимания ее бесценности, с надеждой, что этой самой бесценностью их жизни проникнется и сам доктор.

Бездонная глубина – вот мера всякого здесь побывавшего за три часа процедуры. Все сто восемьдесят минут не закрывался от удивления рот больного, его накапливаемые впечатления от увиденного и услышанного, ввергли его с состоянием бесконечного отчаяния и безграничного бессилия. Ему, человеку, ничего не стоящему убить другого, захотелось помочь каждому из входящих. Не зная их, ему было все равно плохи они или хороши, каждого спланивала с ним общая беда, пришедшая ни от куда, без причины, какая-то чуждая нашему понимаю о жизни,

ни дать – ни взять, существо, словно обладающее интеллектом, своим у каждого, индивидуальным характером, психологией, планами.

Этот паразит, не желал жить сам и не давал это делать организму, захватываемому им по долям малым, этой твари нет возможности сопротивляться, иммунитет не знает средств противления, а потому сдается, даже не пробуя спасти человека, которого врачи вынуждены искусственно лишать его же собственного иммунитета, иначе химиотерапия не сможет помочь!

Это был непрерывный поток, излияния речей которого настолько засорил сознание Ивана, затемненное еще вливаемой в него химией, что он перестал через пару часов реагировать не только на истории, просьбы, вопросы, плачь, стенания, но и на самих входящих.

Будто очухиваясь раз от раз, первое на что он направлял свой взгляд – глаза Фомина. Первый раз взгляд этот заставил вспомнить Сталина уверения Хлыста в прожитой почти бесполезной, вне созидания, жизни. Теперь он понял, что вовсе не жил и сам, и все знакомые им люди вместе взятые, совершенно не важно, чем они занимались. Этот строил! Точнее восстанавливал, что много сложнее строительства заново, с нуля, без плана и чертежа, из того, что есть, хотя и выбор не велик.

Врач – первая буква заглавная благодаря не первенству слова в предложении, а величине содеянного ежедневно. Он внимал в себя боль, выводил из чего можно выстроить новую надежду, окутывал в нее выбранное лечение, наставлял, успокаивал, одинаково для каждого, не важно от имеющихся средств, запущенности болезни, состояния здоровья, черт характера, обреченности. Каждый! выходил обнадеженным, даже, если понимал, что жить осталось месяц – два. На что была его надежда? На будущее – у вечно живущей души будущее – это Вечность! Такой знал, что сделал все, что смог не только для своего тела, но и души.

Сам верующий, он заставлял поверить и атеиста, и разуверившегося в справедливость, и отчаявшегося сопротивляться, и отказывающегося принимать неизбежность собственного ухода сейчас. Для последних этого существования становилось, чуть ли не необходимостью, стоит ли говорить о других.

«От куда берет он силы, где конец его терпению, когда же он попросит, хоть что-то для себя? Он ни разу не оправдался, не проронил ни слова о себе, своих нуждах, а их не может не быть, не заявил о своей усталости, не оскорбился на ругань, обвинения, издевательства, не попросил хоть минуту отдыха. Он принял всех! А я?! А я думал все это время только о себе, о том, как все они надоели, о том, как хочется окончания мучений, о тающей надежде, о зле всего мира, из которого выключил себя, видя проявление этого демона только в свою сторону, хотя сам был его исчадием... Я, я, я и более никто, кроме меня!

Как может думать только о них и нисколько о себе?! Вот так рождаются кумиры, полубоги, легенды, хотя он только человек – был, есть и будет. Если бы все были, как он, то он смог бы быть более свободным, менее занятым, а главное мы более здоровыми, и чаще ремиссирующими – якобы временно выздоравливающими. Но не мы выздоравливаем, а «он» – это подлое, коварное, паразитирующее на людях существо, затаивается почему-то в организме, по ему одному известным причинам, хотя бывает так, что затаившись, не находит в себе более сил, что бы выползти снова!

Что пугает его, или гонит прочь? Почему он так не исчезает у меня..., пока не исчезает?! Я хочу, что бы произошло и у меня, я хочу выздороветь, даже не знаю зачем и не важно на сколько времени! Мне всегда будет мало времени и мало жизни! Господи, как же я слаб! Только о себе! Как же он, этот внешне тщедушный человек, Илья, может только о них..., о нас?! Я ничтожество, а он..., он Твоя милость и милосердие в одном лице, но и на него обижаются, но и его ругают, и его поджидают опасности, и он когда-нибудь заболеет чем-то и когда-нибудь покинет этот мир. Наверняка таких, как он Ты встречаешь Сам! Господи помилуй!» – и ни одна другая мысль не посмела перебить эти размышления, переворачивающие глыбу за глыбой

в сознании этого несчастного человека, совершенно по-иному выстраивая и его собственное мировоззрение под воздействием происходящего, и разве это не чудо?!...

Прием окончился вместе или одновременно с «процедуркой», хотя по ее тяжести и самой причине ее проведения, подобный уменьшительно-ласкательный тон сам по себе не уместен!...

Если узнать этих, прошедших только что перед глазами врача и пациента, людей поближе, начать с ними, хотя бы переписываться, сколько же можно познать о душе человеческой, обычно скрытой для постороннего, даже пристального взгляда, а если аккуратно вклинить в их общение с другими страдальцами, которым многие живут, умирая, но поддерживая других, то осветится ваше сердце, светом и теплом не виданным, дарованным душам только прохождением мучений, осознанием близости Боженьки, собственной бесстрастной конечности, причем не такой, как хотелось бы самому, но спасительной, единственно нужной, ведь, что бы исправить что-то, приходится и потрудиться, и сил потратить, и себя в чем-то перебороть. А ведь целая жизнь человеческая, ложащаяся своими событиями, ежедневным выбором, ошибками, поступками в основание будущего, так же и обоснование его при честном подходе...

– Уффф..., ну что Ваня, отстрелялся, дорогой мой?...

– Да я то что..., вот ты – эээт даааа! Никогда такого не видел, как же ты все это способен выдерживать?!

– Да этоооо... – сегодня легкий день, никто ведь не знал, что я выйду...

– Легкий?!... Стыдно мне вот так на таком то фоне, развалившись тошноту эту переваривать в себе, сколько ж ты в себя вобрал то!

– Ладно, бабка старая, распричитался, сейчас платочек повяжу... Господь оценит... Ты что-то хотел сказать о ком-то, я подзабыл...

– А! Точно! Нашел я тут «неписанную торбу», мусорок один...

– Кто?

– Да следак..., следователь, который меня в свое время прессовал...

– Да прости ты ему – Господь нам всем Судия!

– Да нее – не то! Здесь он, это его в реанимацию отправили...

– Иии?...

– Да скорефанились мы...

– Ваня..., с тобой все нормально? Ну-ка дайка, я раскладку по фарму посмотрю, может тебе не то прописали?

– Да нее... Все пучиком, просто проникся я к нему. Бедолага он, так-то порядочный мент..., тьфу ты! Человек он порядочный, да только бросили все...

– И что же ты хочешь?...

– Ну..., помочь – может зачтется, как ты говоришь...

– Да ну! Ты, да о Боге задумался?! Зачтется, Ваня, зачтется обязательно... А я то чем могу?

– Пойдем, хоть посмотрим...

– Да у меня дел непроворот! А..., будь по-твоему...

Врач катил кресло – каталку впереди себя с задумчивостью всматриваясь в оголенный затылок друга детства: «Что там в этой буйной головушке происходит?! Зачем ему это нужно, ведь ни о ком никогда не заботился – ни семьи, ни детей, ни родителей не помнит..., ах, сирота-сиротушка, и что вышло с него, а ведь сердце то доброе, да только от других добра никогда и не видевшее...» – Сталин и сам понять не мог, что им движет. Бывали моменты, когда он сам хотел вызвать в себе прежнюю неприязнь к Андрею, но получалось, как-то мягко, скорее, с оправданием, с апломбом извинения самого себя: «Виноват же я, а не он, ведь я преступник, а он слуга закона! И почему мне показалось, что жизнь свою он не прожил, а профукал – он пользу принес, от таких, как я защищал..., кого только не понятно! Это я проср. л свою

жизнь, с чем я пришел к ее концу, что я могу передать, да и ведь некому! Даже сердцем своим не поделился ни с кем! И я еще его осуждаю, да он ангел, по сравнению со мной..., хотя, если и ангел, то Илюха...».

По пути встретила женщина, тоже катящая кресло – каталку, по правую руку с ней шла Алевтина: «Батюшка» – подумалось об одном и том же обоим.

Поравнявшись, остановились, как по приказу. Сидевший, совершенно исхудавший, с тяжелыми вымотанными веками, прикрывавшими живые, глубокие, полные духовной мощи глаза, только и говорившие о том, что он еще жив, священник в своей неизменной черной скуфейке с крестиком на лбу, оторвал подбородок от костлявой груди, торчащей из под выдавшей виды, вылинявшей майки. Илья повернул каталку с Ваней навстречу второй, сам встал сбоку, взял совершенно высохшую руку отца Олега, пощупал пульс, сжал зубы, затем губы, поиграл скулами, выдохнул с силой через нос, и резко поднявшись, скомандовал:

– Аля бегом за Верочкой, пусть определит до вечера в палату, капельницу с гепатопротектором * (защищающие печень) и..., а! скоро сам буду, поторопитесь...

– Нет, не нужно, Илья, я..., лучше другим..., кому хуже, кому нужно...

– Ну хуже вас то, тут больше никому нет..., без разговоров! В храме будете командовать!

В тишине разъехались, в тишине, удалились, в тишине мысли разбивались об эмоции, унять, которые сил никаких не было!...

– Ааа!... Понял, наконец, о ком ты говоришь – Андрей Михайлович Хлыст... Звонили мне по его поводу... Странный такой звоночек...

– Кто звонил?

– Да, я не запомнил, с работы кажется...

– Чем странный...

– Предупредили быть с ним осторожным, но помочь, чем возможно...

– И что это значит?

– Вот и не знаю, ни осторожничать причин нет, ни помочь особенно в его случае нечем! ... – Буквально перед ними открылась дверь, из нее выкатили каталку, как раз с Михалычем, сзади слышались спешные шаги нескольких человек, сопровождаемые тяжелым дыханием и криком: «Посторонись!». Хлыста поставили к стене, какое-то тело затащили в реанимационный бокс и дверь закрылась. Высокий мужчина, буквально взмокший, с красным лицом, дышащий ртом, оказался тем самым врачом-реаниматологом, примчавшимся за бывшим следователем:

– Так, Андреич..., этого «завел», прокапал, стабилен... С этим не знаю, покарауль пока пяток минут здесь... – Ивану показалось, что он на хоккейной площадке, в самой гуще разыгрываемой комбинации:

– Постоим?

– Угу – отдохнем... Это ты о нем?... – Показывая легким, чуть заметным движением на почти бездыханно лежащего на каталке Хлыста, поинтересовался Фомин.

– Он самый...

– Не долго ему осталось, на финише, хотя Господь милостив...

– А что батюшка?

– Батюшка..., батюшка на себя чужой крест взвалил и, как ни странно, вполне счастлив...

– Это как это?...

– Может не повериться, но факт... В общем обследовалась у меня одна его прихожанка..., добрая, еще достаточно молодая женщина..., мама четырех деток, после четвертых родов обнаружили уплотнение в правой грудной железе, опухоль злокачественная третья стадия, метастазированная, быстро прогрессирующая, сделали МРТ * (магнитно —резонансная томография – способ получения томографических медицинских изображений для исследования внутренних органов и тканей с использованием явления ядерного магнитного резонанса),

в общем ни одного места в ее теле не нашли, где бы не было метастаз, ну голова только чистая... С ней, как раз отец Олег был, такой очень деятельный..., дааа..., пока обследовали, болезнь до четвертой стадии скакнула. Так вот, поговорили мы и с ней, и с ним..., он и говорит после, мол, я Бога молить буду, что бы снизошла милость Его, а на ушко шепнул: «даст Бог – увидим чудо». Ну я и не придал значения – чего уже только не видел здесь, Господь действительно много чудес являл, и я тому свидетель...

– Например?

– Да ты и сам, наверное, слышал – недавно у нас объявился мужик, я сам ему давал пару месяцев жизни от силы, он от жены в деревню уехал, все бросил, «на последок хоть рыбки половить»...

– Да ну? Что-то я пропустил...

– Вот тебе и «ну». А тут через два года явился, рассказывает, что как надоело рыбу то ловить, познакомился с деревенской молодухой, с ним приезжала, кстати, такая доброжелательная хлопотунья – хохотушка, жена то все гнобила и давила, а эта прямо сама жизнь... Обследовали – ни одной метастазки, ничего! чист, яки девственная плевра! Вот куда все делось?!

– Обалдеть!

– Так вот, проходит пару месяцев, Алевтина..., ну видел дочка отче, привозит отца на каталке, вот точь-в-точь, как ты сейчас видел, исхудал, почти черен, обессилен, но глаза горят!

– Я к нему, а тут в дверь эта мама многодетная, прямо к нему, в ноги бах! Я даже опешил, и причитает, тот только крестится и улыбается, на Небо глядя. В общем, у нее ничего, а священника диагностировалась онкология желудка, слава Богу операбельная, но все равно поздно... «Вымолил» говорит, спрашиваю: «Ради чего?» – а он мне: «Ради Бога и предков грешных! Господь обещал спасти и его грешного». Я не сразу понял..., да и как понять, когда в такое поверить сложно. Это, кстати, некоторым образом, тайна – мне открыл, что бы я мог рассказать о чуде, тем, кто в этом нуждается – чудеса случаются с теми, кто в них верит!

– И чего та мама то многодетная, где ж она?

– Так каталку и везла... А что это ты так задумался, будто приведение увидел?

– Да отче..., отец Олег..., так случилось, что в одной палате «химию» проходили, так вот он сказал, настоятельно так – исповедуйтесь... Сон мне потом приснился, до сих пор не пойму, вот ему, кстати, мусорку то, тоже привиделось...

– Господь людей и стези их никогда просто так не сводит... А батюшка что говорит всегда сбывается – все заметили... Так, Вань у меня всего пять минуток осталось, дел неупрочен! Ты чего хотел то по поводу Михалыча то своего?

– Да организовать бы ему достойное лечение... – Илья посмотрел на друга детства, не было подобной заботы о ком-то в его привычках:

– Зацепило тебя что-то... Я то не многим помочь могу..., за деньги если только, но это не ко мне... Честно, даже не знаю, чем ему можно сейчас, на этой стадии только своевременные наркотические анальгетики в нужном количестве – самая нужна помощь... Не жилец он совсем. Но с ними я помочь ничем не могу, и вряд ли кто из врачей, ты же знаешь сейчас положение – и вы, и мы заложники этих законов – кому из всех сих хочется представить сектор лечения онкологии источником наркоты, а на деле, людей мучают! Мне и самому... – Зазвонил телефон, Илья Александрович вынул из кармана дешевенький смартфон:

– Да-да, мамульчик... Что такое, дорогая? Как!? Снова?!... А анальгетик..., а! совсем не в терпеж... Уже четыре часа! Что же ты молчала, я то думал еще есть... Вот то ж! и мне взять негде... Мамочка, дорогая, ты пожалуйста держись, я скоро буду... – Скоро не получилось – у кабинета главврача снова выстроилась, очередь, график намеченного изменить или что-то отменить тоже не представлялось возможным, лечащий врач матери Ильи Александро-

вича, тоже страдающей тем же недугом, вызывающим уже нестерпимые боли, кстати, тот же, что и у Хлыста, был в отпуске, да и помочь он уже ничем не мог, поскольку максимально определенные, каким-то гениальным чиновником здравоохранения на месяц 50 ампул морфина, действующие всего два часа каждая, при постоянных непереносимых болях, кончаются ровно через сто часов, а в месяце их...

Сын был не в состоянии, что либо предпринять, ему, врачу онкодиспансера, приходилось каждую неделю нести не ходящую родительницу к другому своему коллеге, что бы выписать рецепт! Кто-то из страдальцев, не в состоянии вынести болей кончает жизнь самоубийством, как адмирал флота Вячеслав Апанасенко, застрелившийся из своего наградного пистолета, кто-то терпит, а кто совсем отчаявшись, ради облегчения участи своему родственнику, прибегает к невероятному, для законопослушного человека, средству, но это будет, со стороны главврача, чуть позже...

Два дюжих санитаря, помогли дойти Хлысту до машины, Ваня дотопал сам. Получив пару инъекции, будто вливших море сил, стоявших Сталину кругленькой суммы, он решил во чтобы то ни стало, облегчить жизнь своего старого оппонента, а сейчас собрату по испытанию:

– Андрюх, ну ты как, очухался?

– Пойдет, Вань... Спасибо тебе... Гораздо лучше, чем вчера, хотя, конечно, трудноато... ну слава Богу сегодня крайняя процедура этой «химии», надо теперь анализы сдавать...

– Не имей волнений, завтра все устрою в лучшем виде, хватит тебе экстрим проходить.

– Болит только...

– Я знаю, что делать, потерпи часок... – Назвав таксисту не свой и Хлыста адрес, начал рассказывать об отце Олеге, чем не на шутку заинтриговал. А впереди было много неожиданного.

НЕВОЗМОЖНЫЕ СРЕДСТВА

Автомобиль остановился у одной из сотен подворотен старого города, еще несколько десятилетий назад многие граждане завидовали имеющим здесь квартиры, сегодня этот район считался одним из самых неблагополучных.

В скверике напротив все скамейки и качели были заняты отнюдь не детишками, а привидениеобразными существами, почти поголовно в тренировочных костюмах, с капюшонами на головах, в обнимку с большими пластмассовыми бутылками сладких напитков. Через какое-то время из арки выходил человек и направлялся в глубину сквера, с разных мест, некоторые из «приведений», поднимались и шли навстречу. О чем-то переговорив, разбившись на более мелкие кучки, эти, почти равнодушные, к происходящему в окружающем мире, существа с уже загоревшимися глазами, ёрзающими суставами, многими нетерпеливыми лишними движениями, рассасывались по ближним подъездам вливать в себя очередную дозу.

Через минуту к только подъехавшей машине подошла женщина, на вид вполне приличная, хотя порок, пронизывающий ее насквозь не заметить было не возможно. Она не принимала наркотики, но зарабатывая на жизнь «ногами», став лет десять назад промежуточным звеном между продавцом и покупателем, эта прелестная «пивная фея» возомнила себя вправе решать человеческие судьбы, что было отчасти верно:

– Прииифэт мальчики! Смотрю вы из приличных. Раньше вас тут не видела.

– Мы онкологические... за сколько принесешь?

– Мои золотенькие ножки бегают за двести пятьдесят на каждую..

– По Божески... На все..., Посмотри мне в глаза, красotka...

– Заманчивый ты мой... и что же в них?...

– Боль, нам терять не чего... Либо ты нам поможешь, либо, я «Теплого» наберу...

– «Тепленький»..., ну ради него я и скидочку сделаю... Да поняла я уже, мальчики, поняла... Для легавых лохов полно, вижу же, что вы не из таких... – «Берунья» * (Или «берун» – человек, за дозу или за деньги покупающий наркотики и доставляющий покупателю) исчезла в подворотне, таксист, привыкший к разному всякому, понимающий зачем он сюда привез двух мужчин, в уме прибавил за суету пятьсот рублей, как было положено, по общепринятой таксе, и продолжал тихо наслаждаться легкой музыкой, изливаемой колонками магнитолы.

Хлыст, слышавший весь разговор, пытаясь понять хоть что-то, сквозь доставшую его уже боль, решил что-то прояснить:

– Ваня, это кто?

– «Берунья»...

– Чего она берет и зачем?

– Потом узнаешь... Не волнуйся, я тебе помогу... тебя трясет всего, держись, дружище...

– Да я уже давно так..., ужасно, но... скорее бы это закончилось, сколько уже можно!

Долго мы здесь еще? Может быть я домой...

– Дома легче не будет, а с этим зельем, ты скоро будешь в ажуре. О! Наша фея топает... водила, будь на стреме!... – Женщина быстренько и опасно подошла, постоянно оглядываясь, что-то отдала в приоткрытое окошко, и быстро двинулась в обратную сторону от сквера, ускоряя шаг, будто жена праведного Лота, уходящая с мужем из Содомы и Гоморры от возмездия Божия.

Как на зло, машина не заводилась, водитель, уже несколько раз поворачивающий ключ в замке зажигания, добивался только жужжащего из всех сил стартера, вот-вот цепляющего, но не заводящего. Сталин спокойно полез за пазуху, вынул здоровенный «Дезет Игл» –

«Орел Пустыни», постучал кончиком по затылку мужчины, что одновременно почувствовали и Хлыст, моментально забывший про боль, и сам водитель, взмокший холодным потом:

– Не торопись, старичок, жизнь одна, и прожить ее нужно не с трясущимися руками и головой, а с чистыми и сухими трусишками... – Да вот трусишки об этом не знали. Намоченное сиденье прибавило в уме стоимость поездки, глаза наполнились слезами, вразумляющая мысль вскочила прыщем на теле мозга, поранив его кору: «Никогда больше не связывайся с наркоманами!!!» – будто услышав «Полторабатька» вслух парировал:

– А мы и не наркоманы, а вот тыщенку наброшу... – От радости перспектив двигатель взревел и произошло это ровно в момент, когда какой-то мужчина, закутавшийся в шарф по самые уши, выходил из арки.

Иван обратил на него внимание, как на единственного представлявшего собой, хоть какое-то движение, опознал в нем отсутствие опасности, а потому выдохнул и продолжил:

– Ну вот и все... давай поворачивай, объезжай сквер и в сторону проспекта... – Вышедший мужчина, в это время вступил на территорию сквера. Что-то в его походке показалось знакомым, подумалось, сначала, о плохом и, возможно, угрожающем – правая рука была засунута за пазуху, что вызвало подозрение: «Да ладно – меня здесь никто ждать не мог! Да и идет не озираясь, да вообще не готов, „поляну не пасет“ – лошара какой-то!» – вспомнились слова «беруны» о лохе, который и пострадает, затем поплыли из памяти наркоманы, попадающие именно так в лапы «наркоментов», в основном живущих такими «разработками», вместо того, чтобы накрывать сами точки распространения... Какое-то не хорошее предчувствие царапнуло в области «солнечного сплетения», что прозвучало в голос, совсем громко:

– Да кто же это?... – Хлыст тоже пристально смотрел на идущего, навстречу которому с близстоящих качелей и скамеек уже встали трое – в общем-то все, как всегда. Сейчас встретятся, перекинутся двумя – тремя словами, и рассосутся, будто никого и не было. Так и хотелось думать, и уже улеглась волна беспокойства, как вдруг одновременная догадка достигнув разума, выплеснулась вслух:

– Доктор!...

– Илюха!... – В этот момент машина подъезжала, как раз к тому месту, куда мог подойти через десять – пятнадцать шагов вышедший из подворотни, не обратись прямо сейчас к нему издали один из вставших и направлявшихся в его сторону. Слова прозвучали громко, были слышны, через открытые окна такси:

– Мужчина, можно вас на минуточку..., стоять, сука, полиция!!!... – Шарф соскочил, оголив лицо Ильи Фомина. Совершенно растерявшись от моментально обрушившегося осознания ситуации, в которую он попал сам, усугубленный совершенным безысходом с мамой, с теми больными, ослаблением мук, которых он жил, всем, что рушилось сразу в эту минуту:

– Нет, нет, нет... – Он попытался побежать, на него прыгнули, сбили с ног, заломали руки, посыпались удары, как ребенок он кричал:

– Маааааа... – Но не от страха, а от отчаяния и понимания, что она не получит сейчас жизненноважной дозы, облегчающей ее нечеловеческие муки, он не попадет домой, за ней некому будет ухаживать, ведь она не ходячая, а значит, ни в туалет, не вымыть, ни накормить, ни вызвать скорую, ни помочь, не быть в последние минуты жизни, не услышать и не сказать последнее «прости», ни поддержать – он не только не помог, но убил ее, точнее убивал медленно, бесцеремонно, совершенно не желая этого:

– Вы не понимаете, вы не можете этого... Да поймите же... – Его никто не слушал, зато радовались очередной чужой трагедии, должной принести, либо деньги, в виде взятки за закрытие дела, которых, разумеется не было, либо «заслуженной» похвалы за новое задержание наркодиллера, либо... – все одно удача!

Периферическим зрением Ильи видел остановившуюся машину, вышедшего человека, за ним другого, но это чуть позже, в момент же самого задержания было следующее: Андрей

Михайлович Хлыст вспомнил еще недавние ощущения своей службы, получаемые во время первого допроса, он еще не полностью осознал свое положение и хотел воспользоваться своим, когда-то бывшим авторитетом, чтобы помочь:

– Сейчас решим... – Иван Семенович Сталин, кстати, фамилия его была ошибка паспортистки, настоящая его фамилия была – Сталин, но переделывать не стали, оставив более звучащую, был более приземленным в виду своего опыта отношений с полицией именно со стороны арестованного и допрашиваемого, поэтому обрубил все в начинаниях:

– Сиди уже!... А то и тебя туда же, а то пойдешь «паровозом» в преступном сообществе – у вас это, как два пальца..., а в тюрьмушке тебе просто так героин никто не предложит..., так и сдохнешь в обезьяннике смертью мусора-предателя... – эти еще и на прошлое твое тень бросят, тем более со мною в одной компании... – Каждый решил предпринимать что-то по своему.

Водитель вынужден был остановиться, как вкопанный, совершенно поддавшись общему возмущению и желая в первом порыве по-настоящему помочь, поэтому и не рванул с места происшествия, думая дождаться до конца, и лишь потом, понимая куда влип, ретировался...

Ваня вышел из машины, будто и не болел, совершенно безмолвно, снял пистолет с предохранителя, аккуратно потянул огромную затворную раму назад, что увидел один из полицейских, сразу отпрыгнувших от доктора, два других пока, через чур увлеченные «приемом», пытели и ругались, выплясывая на Фомине.

Прозвучавший первый выстрел, пока в воздух, обезоружил отпрыгнувшего первым, заставив застыть остальных. Мысли их не складывались в общую картину, поскольку не ложились ни в одну из возможных клише поведения преступника.

– Тебе че, казел?!... – Такое обращение Ване не понравилось, но он сдержался, хотя и страстно желал сделать пару дырок в этих головах. Выпустив пару пуль совсем рядом с лежащими на докторе, он потребовал отдать ему оружие и подойти к столбу. Почему-то все, включая и Илью, послушались.

Подойдя, опять таки, молча к другу детства, Иван Андреевич, поправил одежду на нем, подвязал шарфик, так чтобы закрыть его лицо, совершенно четко представив происходившее давным-давно, когда он заступался за него еще в детстве – те же чувства, та же уверенность в правоте совершаемого, тот же взгляд друга детства, те же переживания, те же взаимные улыбки и застывший вокруг них мир...

Направив, впечатляющего диаметра, ствол пистолета на трех обалдевших и еще не пришедших в себя борцов с наркотиками, в том числе и непосредственно уничтожением их путем употребления внутрь себя, Сталин заставил полицейских самих пристегнуться рука к руке таким образом, что бы железобетонный столб оказался посреди них.

Обида от представшей перед ним картины не прошла, призадумавшись, он проверил карманы, и найдя ключи от автомобилей с пультами сигнализаций, велел доктору нажимая на кнопки, найти по отзывам все три, сам же принялся успокаивать Андрея Михайловича, отчаянно пытавшегося что-то предпринять. Прислушавшись к бормотанию, он понял, что тот защищал «честных служаков», требуя их отпустить, а самим ехать..., на чем был грубо оборван...

– В мусарню, что ли, давать показания на нашего доктора, который тебе, суке конченной, уже четвертый год жизнь спасает!... – Что сразу вразумило. Далее добило Хлыста сообщение о марках обнаруженных машин офицеров, произнесенных Ильей:

– «Порше Коен», БМВ 740, Мерседес, здоровый, как лимузин! Обалдеть! Что делаем?!

– Честные, говоришь?!

– Так может быть это служебные?

– Ох..., когда ж ты уже поумнееешь то?!... – В этот мновение послышался визг стирающихся покрышек, улепетывающего такси – наконец-то таксист, собравшись с силами, нашел в себе мужество оторваться от «честной компании»:

– Вот... добрый воистину человек! Дай Бог тебе здоровье!... – Покрутив пультами от сигнализаций машин, он продолжил:

– Ну че..., братва, походу нам срываться на фельдиперстовым тачках от сюда – каждому по Ферарри!...

Три машины мчались на перегонки, выпуская пар взведенных состояний своих водителей. От куда только взялись силы у Хлыста?! Но он пока был первый – сорвавшись, словно с жесткого поводка, он «отжигал» за всю самодисциплинированную свою прежнюю жизнь, осваивая на собственном опыте «босяцкое», ранее ненавидимое, да и не понимаемое существование.

Доктор, до сих пор, уже по прошествии десяти минут, никак не мог поверить своему счастью, даже немного подзабыл о ждущей маме, и только, единственный отдающий полный отчет о случившемся и грозящем, Иван, уже продумав полностью весь план предстоящих действий, прикрывал дорогих ему людей с тыла.

Впереди маячил пост, ему предшествовал нужный поворот, Мерседес со Сталиным за рулем, предпринял рывок, возглавив гонку и показав личным примером, свернул вправо. Далее путь лежал к одной из многочисленных автомобильных стоянок – отстойников, находящихся впритык с конторой ГНК, где несли службу трое, ныне ведущих хоровод вокруг столба. Три тачки, полностью тонированных, хорошо знакомых охраннику стоянки, подкатили на всех парах с требовательным сигналом. Не разобрав кто за рулем, впрочем, и не подозревая подвоха, представитель вневедомственной охраны, поднял шлагбаум и отдал «воинское приветствие», получив в ответ веселую какофонию автомобильных же сигналов.

Не притормаживая, машины гуськом проскочили, устремившись к самому краю забора, примыкающего к полицейской стоянке. Быстро оставив чужие машины, троица, где двое помогая третьему передвигаться, покинула, через дырку в заборе, место парковки.

– Так, пацаны, вы давайте тачку ловите и..., док, давай к тебе, но за квартал до дома остановитесь и выйдете..., Андрюх, ты в ответе за Илюху, не накосячьте!

– А ты?

– Нууу, у меня мечта детства вот-вот сбудется!... – С этими словами они разошлись. Как только Ваня скрылся в той же дырке, через которую они только вышли, рядом с двумя оставшимися притормозила старая «Волга» – ГАЗ – 24: «Ну слава Богу – через двадцать минут будут дома... Ну я ща зажгу! В натуре мечта!» – с веселящей его мыслью «Полторабатька» залез в припаркованный им Мерседес, дернул ручку открывания бензобака, уже было вылезая обратно, задумался, глядя на «бардачок» – чем-то он его манил: «Ну раз так!» – открыв его, он увидел сверток из непрозрачного плотного пластика с несколькими странными печатями: «Хм... Кило (упакованный, еще иностранным поставщиком, героин). Не меньше, за ним валялась пачка зеленых купюр: «Не, ну в натуре фарт катит! И за моральный ущерб тут же! Нужно пересмотреть свое отношение к мусорам – ментики, обожаю вас!»...

Открутив пробочку бензобака, он засунул туда продавив мембрану, резиновый шланг, валявшийся в салоне, наверняка служивший жгутом при инъекции героина, сделал несколько вдохов, побежавшая струя бензина быстро наполняла разрастающуюся лужу. немного побрызгав в салоны двух других автомобилей, он вынул один из трех изъятых телефонов полицейских, выбрал один без кода, включил видеозапись и поджег разлитое горючее, полыхнувшее почти бурей, чуть не захватившей незадачливого оператора, занятого еще одним непристойным делом под камеру.

На всякий случай, Иван отошел к дырке в заборе, и начал наводить объектив на государственные автомобильные номера. Дождавшись, пока пламя не перекинулось на машину стоящую на полицейской стоянке, продолжающий снимать пожар уже от дороги, поднял руку, останавливая машину...

Через тридцать секунд, совершенно выбившегося из сил, но почти счастливого, его увозил другой «Мерседес Бенц Вито» – удобенький минивен, с приятной релаксирующей музыкой. Пока было время, Сталин «пробил» счета изъятых телефонов, обнаружив кругленькие суммы на них, перечислил на номер благотворительного некоммерческого Онкофонда, с председателем которого Таней Ермак, давно дружил. «Упавшие» на счет почти двести тысяч рублей, быстро подняли настроение многим больным, которым очень быстро поступила помощь: «Ну вот..., как быстро можно приучить любого человека делать благотворительные, полезные дела..., а ведь никто и не знает, что эти трое такие хорошие люди! Ничего вечером подправим»...

Через полчаса, конечно, уже по-своему телефону, но у доктора дома, он позвонил Татьяне:

- Танюх, здорово, красавица!
- Ой! Ванюша, привет! Представляешь...
- Еще как, послушай немного, у меня времени в обрез. Просьба к тебе...
- Все нормально, Иван?
- Все пучиком... Тут тебе на счет упали сегодня 200000...
- Так это ты?!
- Вот неугомонная...
- Ваааняаяя!
- Значит так, угомонись, а то следующего перевода не будет!...
- Еще?! Вся во внимании...
- Так, Танюх, это так сказать..., а долго объяснять, короче, нужно людей отблагодарить...
- Вань, я уже не в тренде..., хе хе хе – шутка!
- Да? А я вот даже задумался... На меня не ссылайся, мол, тебе позвонили из управления

ГНК города, и сообщили, что проводится акция в пользу онкобольных, приуроченная к празднованию пятидесятилетнего юбилея выдающего следователя всех времен и народов Андрея Михайловича Хлыста, набрана вот такая-то сумма денег, которую решено перевести на счет твоего фонда. Так записывай основных благотворителей... – Далее он назвал три фамилии уже к этому времени освобожденных от столба полицейских и пообещал, что еще столько же переведут позже...

– Ну, Ваня..., ну ты, как всегда, ничего не поняла..., но..., все сделаю, ведь и правда помогли... – Услышав свою фамилию, Хлыст приподнялся на локте, и неожиданно для себя, почувствовал, что может делать что-то, от чего давно отвык... Вспомнив, что причиной тому принятый орально раствор героина, приобретенного с такими приключениями в подворотне, Михалыч застонал:

- Оооох...
- Что с тобой, Андрюх? Вшторило что ли?!...
- Я ж теперь наркоман...
- Да нет, друг мой..., ты на морфии уже год сидишь, и наркоманом себя не чувствуешь,

а после одного глотка этого растворчика, духом упал...

– Это нужно осознать! Когда ты всю жизнь..., а! да что там... Будь, что будет, теперь уже все равно... И знаешь, спасибо тебе, Иван Семенович Сталин, да, да, я то помню твою настоящую фамилию, ловок ты однако... Ты уж меня извини – много я тебе бед то причинил, а ты вот какой настоящий... Дай Бог тебе здоровья!

– Хорошее пожелание, и тебе дай Бог чуда!

– С кем ты там обо мне-то?

– Неее... – сейчас не скажу, надеюсь, ты сам об этом в скором времени узнаешь, не имей волнений – только хорошее!...

– Что ж ты там опять-то выдумал?!

– Ты знаешь, вот сколько живу на этом белом свете, столько удивляюсь, а ведь чудес мир наш полон, через край бьют, да только мало кто замечает! Вот, кажется, ну все человек испробовал, что бы добиться желаемого, даже положенного ему по заслугам, льготам, возрасту, по болезни, по статьям конституции, в конце – концов, ан нет, вот найдется какой-нибудь гандила, чтобы все испоганить!

– Ну мы и сами то хороши, че на мир то пинать?..

– Да я не о том... А потом приходит время и ты понимаешь, что Господь дает возможность сделать все по-другому – проще, честнее, справедливее..., хотя, Господь ли..., а, ну как вышло, так и вышло – другим не повадно будет...

– Ты о чем?... – Как раз во время на кухню, где шел этот диалог, вошел Илья, казавшийся совершенно разбитым и обезнадёженным, руки, болтавшиеся плетьюми, задевали за все возможные выступы и углы, будто существовал он не здесь, а в другом, каком-то лишенном радости и надежды, месте. Увидев таким своего друга детства, Иван занервничал:

– Илюх, а сейчас-то чего? Что с тобой?!

– Мама..., я ведь до сих пор испуг этот чувствую!... Ты же знаешь ведь зачем я туда поперся?...

– Знаю, только не пойму, ты же можешь сам выписать анальгетики эти ср... ые..., зачем ты рисковал то так?!

– Могу, но в ограниченных количествах... Я уже ей выписывал в два раза больше, потом другой врач – районный, знакомец мой близкий, и еще один – всего двести ампул..., раз выпи-сали в обход этим долбанным законам, второй, но на третий, они и мне отказали – они хорошие люди, но боятся, никто сидеть не хочет!... Я уже два месяца под статьей этой 228..., но ради мамы... – ей немного осталось – скоро уйдет!, но без этого морфина она, как в аду, постоян-ные крики, стоны – это не возможно! Она меня, своего любимого сына, просит убить ее..., я так больше не мог! Я сын, я врач, я не садист, в конце концов! Плюнул и пошел..., вот два месяца получалось, как-то..., меня предупреждали..., сами наркоманы тамошние, предупре-ждали, что «проложат» меня под этих милиционеров, таких всегда полиции сдадут, что бы их самих не трогали..., ну вот..., вот и получается, что точка эта постоянно в безопасности и продавцы там все известны иии..., и работает она уже несколько лет совершенно не прячась, а арестовывают, кого угодно, только не распространителей – они платят, хорошо платят, а мама мучается, а я так больше не мог, вот и пошел...

– Ну старина, успокойся, вот держи, только Андрюхе отсыпь половину, ему тоже нужно... – Иван достал из кармана совсем забытый пакет, «изъятый» в «бардачке» Мерсе-деса...

– Это, это..., это это – то, что я думаю?

– Ну да... – мусорской подгон! Я ж говорю – среди них есть нормальные парняги... Это еще не все, они просили передать бабло, за моральный ущерб..., я вот подумал, что нужно поделить на три части: одну тебе, вторую Хлысту, третью нашем онкофонде – не все ж брать то...

– Не возьмет..., Таня Ермак не возьмет, у нее..., в фонде правило у онкологических брать...

– Вот еще бред-то! Значит у выздоровевших можно, а у нас, если излишки и возможность есть... Возьмет! Это ж от родной полиции – это как преподнести... – Прозвучавший телефон-ный звонок оборвал разговор, Ваня поднял свою трубу:

– Да, Танюшь... Чего? Не понял... – И нажал кнопку динамика, что бы переговоры были слышны всем:

– Ванечка..., не знаю, чего ты там намутил, тут такая волна поднялась!

– Затушим, успокоим, не переживай – рассказывай...

– Я, как положено..., как обычно, все о происшедшем..., ну там благотворители такие-то, такие-то, столько-то столько и так далее, ну как всегда передала, что бы поблагодарили..., в этот, как его, «Жизнь», они перезванивают и..., ну я там с мальчиком с одним контачу, он говорит, мы выбросили в интернет, и так далее... всю инфу, а им перезванивают из органов и начинают требовать от куда, кто, чего и так далее, ну я на полицейских и вышла. Через полчаса они у меня, мол, от куда деньги, кто перевел..., я им всю инфу о переводах, что ты мне дал – говорю, что вы удивляетесь, вот смотрите все деньги перечислены со счетов телефонов ваших сотрудников..., они: «Во блин! И правда!», а к этому времени, ну как всегда, текст «Жизни» подхватили другие, кто-то выяснил, кто этот перец Хлыст, а он в натуре крутой перчище!... – Услышав свое имя, Андрей Михайлович, сначала, увеличил глаза до колоссального размера, что-то промычал, но услышав о своей крутизне даже выпрямился в спине, на сколько позволила скрюченность и гыгнул от удовольствия, хотя и снова очень быстро вернулся в состояние переживательного непонимания, Ермак продолжала:

– Мне то монопенусуально, что у них там за разборки, в общем пресса подняла за пару часов весь послужной список, а там..., мать моя женщина! у этого Хлыста, только что «Ордена Победы» нет и Ли Харви Освальда не он под суд оформил... Уже сколько только версий не напридумывали по поводу этого дня памяти легендарного следователя..., короче, по ходу, придется его памяти день посвящать и памятник ставить... – Михалыч от услышанного, особенно от памятника при жизни, недовольно замычал, запротестовал, сплюнул через оголенную щечку и заругался в голос, Татьяна услышал, удивленно поинтересовалась:

– Кто у тебя там мычит, как мерин..., мы на громкой, что ли?

– На громкой, на громкой... – это Андрей Михалович своей совершенно живой персоной возмущается, так-то это «Михалыч»! и он жив вполне...

– Е мое! Точно! Ну звиняй, «Михалыч», не признала! Так это ты такой могучий?!... – Михалыч, снова выпрямился, поставил руки в боки, просиял, неприкрытой «шторкой» частью лица и что-то одобрительное промычал в ответ...

Сталин, со сведенными друг к другу бровями, решил кое-что прояснить:

– Другими словами, пересрали все, и выход у них только один – признать авторитет Михалыча, поблагодарить благотворителей и закрыть дело?

– Ну по повода дела не знаю, там что-то возбудили против какого-то столба, или о столбе – фигня какая-то..., а вот рекламу фонду и сбор средств в пользу наших больных обещались приурочить к этому дню...

– К тебе претензий никаких?

– А я то че?!

– А чего они хотели то?

– Да ищут каких-то..., то ли троих, то ли двоих, один из которых калека в маске Зорро, и три угнанных ими автомобиля...

– О как! А в чем обвиняют? В угоне? Нападении при исполнении?

– Что-то типа угрозы жизни, бла, бла, бла, а про угон ничего – вообще ни слова...

– Ну да, действительно, от куда у честных сотрудников такие тачилы..., хе, хе, хе...

– А! самое главное! В новостях, сейчас покажут фотороботы этих лихих парней и чего-то расскажут...

– Е мое, так это уже сейчас! Братва, включай «ящик»!...

Телевизионный эфир криминальных новостей разорвало сообщение о поджоге автомобилей на штрафной стоянке, пламя с которой перебросилось на спецтехнику и машины полицейских управления ГНК города. Диктор с удивлением и азартом, сменяющих друг друга вещал о ворвавшихся на территорию этой стоянки трех дорогих иномарках, принадлежавших женам троих офицеров ГНК, где их подпалили, в результате чего пострадали более двух десятков дорогих машин, самая дешевая из которых стоила не менее четырех миллионов рублей.

В одом из трех автомобилей найдена сумка с деньгами, большая часть из которых не подлежит идентификации, предположительно, бандиты, совершив в разных местах города какие-то преступления, похитили для облегчения этой задачи, именно эти машины, что бы еще и бросить тень на офицеров спецподразделения. Скорее всего, на этой стоянке преступники пытались скрыть похищенное... – Причина выбора именно этой стоянки, поджог автомобилей, и оставление денег в багажнике одной из них, ведущим телепрограммы не объяснялся. Далее следовало:

– Все, что известно о преступниках, это то, что их было минимум трое... – Хлыст съязвил:

– Ну, конечно, иначе на трех машинах не прокатишься!... – Программа продолжалась:

– Один из них калека в маске Зорро, вооружены крупнокалиберным штурмовым пистолетом типа «Дезерт Игл», 45 калибра, скорее всего преступники относятся к принимающие наркотические средства. В момент совершения преступления (какого не осветилось), бандиты соверши нападение на офицеров ГНК... – Тут неожиданно, скорее всего, по ошибке появился видео ряд, показывающий «хоровод» вокруг столба, потом быстро сменившийся интервью с этими же персонажами, наперебой рассказывающими о произошедшем, в конце выступил совершенно вымотавшийся, судя по внешнему виду, заместитель начальника управления, объявивший, что возбуждено два дела: одно уголовное, второе – внутреннее расследование. О результатах он обещал доложить по их появлению.

В конце ведущий с улыбкой добавил, что это не все, мол инцидент имел продолжение в виде выложенного в Ю-Тьюбе ролика, кусочек видео из которого замелькал на экране: крупным планом взятые государственные номера, пылающие иномарки, струя мочи, направленная в сторону гибнущих машин, как, якобы, издевательская попытка затушить огонь, сопровождаемые голосом, скорее всего, поджигателя за кадром: «Пацаны! Все, что могу!», что было сопровождено следующими комментариями:

– Мы не можем точно сказать, что именно имел в виду преступник, то ли попытку затушить пламя, то ли месть, то ли... , однозначна популярность этого видео на Ю-Тьюбе, набравшая всего за несколько часов два с половиной миллиона просмотров, что составляет рекорд, а значит, и причитающуюся премию. Интересно, кто за ней придет, ведь видео было послано с одного из телефонов пострадавших полицейских. Так же остается пока тайной, кому именно принадлежали сгоревшие частично деньги и каким образом у неработающих жен полицейских появились такие автомобили... На последок, нам сказали, что это происшествие каким-то образом связано с днем памяти легендарного следователя Хлыста Андрея Михайловича, ни раз выступавшего у нас в передаче, недавно умершего после тяжелой и продолжительной болезни. В честь этого выдающегося человека руководство МВД нашего города организовало среди сотрудников сбор средств на счет некоммерческого фонда помощи онкологическим больным, мы тоже решили поучаствовать и предлагаем сделать свой вклад каждому сочувствующему, вот номер счета внизу экрана бегущей строкой...

Далее следовала двухминутная видео нарезка из выступлений еще здорового Хлыста...

Все втроем, включая и Сталина сидели с приоткрытыми ртами, Хлыст с незакрывающимся вообще, его глаза переполняли слезу благодарности, раскаяния за содеянное сегодня, повязка дрожала от содрогания распухших губ:

– Помнят, помнят и ценят... Как я мог, как я мог?!!!

– Дааа..., Андрюх, ты велик!

– Заткнись поддонок, ты все испортил! День памяти! Меня помнят и ценят!... – Доктор и «Полторабатышка», удивленные теперь вдвойне, переглянулись, пожали плечами, но сдержавшись, промолчали.

Слезы лились, замещая одна другую... Не в состоянии видеть эту картину, Иван поднялся вынуть деньги, изъятые из «бардачка» Мерседеса, но не успел, как на нем повис Хлыст,

неразборчиво ругаясь... Сталин, сделал шаг в сторону, Андрей упал и замолчал. Оба друга детства, присели на корточки над упавшим, переглянулись и по очереди поинтересовались:

– Че с тобой, Андрюш?

– Ты о чем думаешь то?... – Видно было, что что-то с Хлыстом происходит, находясь в полном замешательстве от произошедших очень быстрых смен мнений, так и не придя к единому, он что-то промышал, что понял только, как всегда Ваня, ответивший, качая головой из стороны в стороны:

– Дааа, как у тебя все в головушке перепуталось....

– А что он сказал то?

– Что не полностью согласен с услышанным... – дошло до него, что и как произошло наконец-то...

– Не, ну ты действительно наворотил дел!

– Да ни это главное то!

– А что же?!

– Премия за видео..., там нормальная сумма...

– Хе хе хе..., ну ты..., так ты не только поджог, но и еще опрыскал из своего ..., и заснял все на видео!

– Угу, и еще отослал с телефона одного из этих борцов с наркотиками... – Улыбка с лица Ильи Александровича спала, кожа посерела, взгляд потух...

– Че с тобой?

– Вспомнил, что было бы, не появись ты вовремя! Спасибо тебе! Пойду к маме..., вы давайте располагайтесь..., надо мне развеяться, что-то слишком много новых средств для восстановления справедливости я сегодня узнал...

ЕКАТЕРИНА

– Ну а сколько вы хотите получать в виде пенсии? У нас все онкологические столько получаю..., по пятнадцать тысяч только ВИЧевые... – Девушка из соцзащиты, осеклась, побоявшись, что кто-то услышит, сбросив на два тона громкость, продолжила уже доверительно, почти извиняясь:

– Ну вы поймите правильно, я понимаю, что наркоманам у нас в стране сейчас больше внимания, целые программы, куча денег на них..., они вот и в наркологических больницах, как короли, вокруг них, как вокруг ВИП-персон, ну не повезло вам, вот эту вот гадость подхватить..., но мы ведь тоже ничего не можем поделать. У них тоже вот пенсия, льготы, и плодятся они, как грибки после дождика... Понимаю, что вы не сами, не кололись, ни в чем не виноваты, да, они от «передозов» умирают, а вы от страшных болей, но я ничего не могу..., дорогая моя... – ну вот такая несправедливость! Но пенсия то вот, у вас все равно есть..., миленькая, мы тоже стараемся, гроши конечно, иии..., и вам в десятки раз больше, чем им нужно..., и понимаю, что им только захотеть стоит по настоящему, что бы начать бороться со своей тягой к наркотикам, а вам и при желании, и как угодно, эту гадость, вот так вот, одним желанием, не перебороть... Ну не понимают у нас чиновники этого, ну не знаю я, почему так, миленькая..., ну что же я могу, я ведь просто клерк... – Девушка, уже чуть не плача, пыталась успокоить совершенно отчаявшуюся молодую мать, только узнавшую, что решением, каких-то депутатов * (Малышик, номер и название постановления печерского депутата, о котором ты говорила) ее и ее ребенка лишили пособия, как одинокую мать, и это при том, что она год назад узнала о своем недуге, лишившись сразу работы, благополучия, упокоившегося мужа, груди, всех надежд на будущее, а теперь и этих крох!

– Миленькая, я позвонила Катерине, она сейчас будет – это невероятный человек, тоже из ваших – волонтер из онкофонда, совершенное солнышко и обязательно, что-нибудь да придумает...

В углу, кто стоя, кто сидя на корточках, несколько молодых людей хихикали и пускали злые непристойные реплики в сторону говорящих женщин с двухгодовалым, выбившимся из сил, засыпающим ребенком.

– Ну как вам не стыдно, человеку нездоровиться, пожалейте хоть ребеночка, заснуть ведь никак не может...

– А мы тоже пенсионеры, тоже больные... – Худые, неопрятного вида, прыщавые, в засаленных, давно не стиранных, тренировочных костюмах, в противосолнечных очках, с капюшонами поверх голов, почему-то воспринимали эту ситуацию забавной. Что нужно было, они получили еще с утра, теперь пребывая в приподнятом настроении, ожидали прихода своего «товарища», должного получать сегодня пенсию. ВИЧевые наркоманы вполне неплохо чувствовали себя – 15000 рублей пенсии по болезни, в полтора раза, кстати, больше, чем у онкологических, при том, что многие из последних просто не имеют ни сил, ни времени, ни возможности работать, а деньги на лечение, химиотерапии, облучения, поддерживающие медикаменты в месяц уходят десятки тысяч, в то время, как «торчки» нуждаются только в очередной дозе...

– Так, ребята, что вы тут собрались, идите по домам, не смущайте людей! Давайте, давайте!

– Ты что творишь, мокрощелка, болезных гонишь, мы можно сказать, на сухарях..., еле на ногах держимся..., мы сейчас позвоним куда нужно..., сиди себе и права наши не ущемляй!... – Поднялся гвалт, кто-то из присутствующих, предпочел не вмешиваться, таких было большинство, кто-то вмешался, поддерживая молодежь, кто-то, не зная сути перепалки, начал ругать администрацию...

Как раз вовремя ворвалась в помещение, какая-то полненькая невысокая женщина, светлые волосы давали понять внимательному наблюдателю, что это чужие, а не свои. Не разбираясь в причинах развивающегося скандала, она, тяжело дыша, быстрыми шагами направилась к столику, у которого уже происходила стычка. Работница отпрянула к стенке, мамаша, накрыв собой коляску с ребенком, вздрагивала всем телом, бесшумно рыдая и от обиды, и от бессилия, и от безысходности. Самый развязанный и плохо контролирующий свои действия парень, без половины нижней челюсти с палочкой, свободной рукой схватил ее за волосы и рванул, что было мощи на себя.

Неожиданно волосы отделились от головы безо всякого сопротивления, от чего он, не удержав равновесия, подался назад и начал падать. Наркоманы от неожиданности такого действия своего единомышленника, опешили и замолчали. Воспользовавшись заминкой, Екатерина, а это подросла именно она, протерлась между хамами и матерью:

– Успокойся милочка, все хорошо, сейчас разберемся... – Поворачиваясь к наркоманам:

– А ну в сторону..., а тебе «крокодильщик» * (На сленге наркоман, употребляющий, так называемый «крокодил»... – малыш, что это и какие последствия с костями и тканями???) хренов, не стыдно?! Матери то у вас есть?!

– Да кто ее рожать то просил?! Нарожают, а потом лезут за льготами...

– Подонок, у нее пенсия девять тысяч, и льгота была восемьсот рублей, и ту отобрали! У тебя, один «заход» * (Одна доза) столько стоит?!, а ей это государство дает на ребенка на месяц! И это отобрали...

– Меньше народу – больше кислорода!... – Поднимаясь, издевательски прокинул с усмешкой «крокодильщик»...

– И то верно, от куда вы все беретесь, наркогады – всех вас в топку!... – Немолодой, крепкого телосложения, мужчина двинулся в их сторону чуть прихрамывая, видимо, имея обиду на эту, все больше увеличивающуюся, прослойку, совершенно обезумевшего в своей поддельной толерантности, общества, так им оберегаемую, все злее и злее подбирая слова:

– Президент обещал последнего из вас провести по Красной площади еще два года назад, да видно передумал или не дали! А как дать то, на вас же столько бабла отмывают, а простому инвалиду из-за таких, как вы, только «гайки закручивают»... Ненавижу!

– Мужик, ты че!... – Испугавшись такого «наезда», тем более понимая, что этого отморозка их права несколько не волнуют, молодые люди, подхватив калеку, быстро ретировались восвояси.

– Спасибо вам..., нас и правда защитить не кому... – Мужчина улыбнулся, покачал головой:

– Вот такие же на меня, боевого офицера..., а я две войны прошел! в подворотне впятером налетели с маленькими ломиками... троих уштал, а один сзади монтировкой по затылку – еле выжил..., и всего тысячу рублей взяли... Хм..., нашли через год, посадили... за десяток таких же, как я..., а освободятся, и что..., исправит их что ли кто-то?! Опять за свое, если от «передоза» не сохнут... А у меня пенсия по инвалидности, появившейся благодаря их усилиям, меньше, чем у ВИЧевого, я смотрел... Жаль, конечно, тех, кто по недоразумению иммунodefицит словил, но их единицы, да и молчат они... – эти люди, переживают свое несчастье, потому, как достоинство и честь имеют...

– Да уж..., во всем вы правы..., да что толку то?! Спасибо вам большое... тоже, наверное, терпите несправедливости то?

– Да, что уж, что причитать то... Работы, конечно, калечному найти трудно, чиновникам наплевать – трубят одно, творят другое..., но я как-то все больше на себя надеюсь, хотя поначалу-то в ихние обещания то верил... Я ракетчик бывший, Горбачев, сука, Родиной проторговал – все наши эСС-сы * (Ракеты стратегического действия, типа СС-16,17, 20 и так далее, по договору с американцами, уничтожили, при том, что они свои благополучно складировали)

..., и вот..., потом пошел по контракту, попал на войну, ааа..., да что там, пенсия небольшая военная – копейки..., плюс грошик по инвалидности, а ведь и царапинки после двух войн то ни одной, а..., вот выбиваю сейчас добавочку в полторы тысячи, третья неделя пошла..., из очередей не вылезаю, ну хоть здоровье более-менее, голова только..., да и сослуживцы помогают, чем можно..., ох попался бы мне сейчас этой «горбатый», я бы ему хребет то переломал! Спрятался в Германии...

– Давно это было..., давно, сегодняшним днем жить нужно учиться, да не получается...

– Да надо..., пойду я девчонки, вы это..., держитесь, и дрянь эту, чтобы перебороли, надо жить!... – Вояка оставил номер телефона и попрощавшись испарился за дверь, оставив их в тех же проблемах...

– Аля, а у вас, что же это обнаружили до или после родов... – Уже после знакомства, когда все втроем оказались в машине спасительницы, Екатерина обратилась к молодой матери.

– После..., и почему то сразу четвертую стадию...

– Да-да, сейчас много вот так сразу после родов и сразу четвертая стадия... И у меня ведь тоже РМЖ – 4 * (рак молочной железы 4 стадия), только у меня совсем песня..., вот как ты родила, мне так же и поставили, правда негармонозависимый, и второй стадии. Девять лет назад это было..., и так активно взялись лечить..., а мне лучше не становится и не становится, это как в анекдоте, когда охотники в лося, пьющего воду из реки, стреляют, а он пьет и думает: «Что ж такое, я все пью и пью, а мне все хуже и хуже!»... Вот и меня так же... О! Смотри-ка голосует! Давай-ка подберем, хоть заправиться на что будет... – В остановившуюся машину с двумя женщинами и одним ребенком заглянул пожилой мужчина:

– О как! Подвезете?

– А куда едем-то, уважаемый?

– Да мне бы до онкодиспансера, тут недалеко...

– Ну вот, не заправимся...

– Что вы говорите?

– Садитесь, конечно, подвезем «коллегу»... – Уже выгружаясь с трудом, мужчина протянул двести рублей:

– Спасибо вам, Екатерина, другой бы за триста подвез...

– Так..., деньги уберите, лучше вот..., другим нашим, будет возможность помочь, помогите... И ведь еще ни раз встретимся...

– Даже не знаю, чем вас отблагодарить то?

– В церкви будете, свечку поставьте, с Богом!... – Аля всю дорогу молчала, немного рассказав о себе, устав, замолчала и Катя. Удалось по ходу подвезти двух клиентов, оба недоброжелательно отнеслись к такому предложению подбросить их «по пути», но соглашались из-за малой запрашиваемой цены за проезд...

– За весь день ни одного хорошего слова, кроме, как от своих... Знаешь, Аля, ты во первых надежду не теряй, а во вторых помни, что мы все, ставшие единомышленниками, пусть и по своей воле, «Онколиги», друг друга поддерживаем, как можем, больше, конечно, словом, но ведь знаешь, это такая мощная поддержка!

– А что лось-то?

– Какой, дорогая?

– Ну ты про лося и себя рассказывала – какая-то аналогия...

– А! Так меня лечили от негармонозависимого, а через четыре года определись, что он гармонозависимый...

– А какая разница?

– Да лечение совершенно разное... Вот он у меня и развился со второй до четвертой..., и началось! На фоне прежнего лечения, к которому организм уже адаптировался, приходилось подбирать другое..., денег нет, в поликлинике издеваются, то анализ сделают без тромбофли-

битов, потом заставляют доплачивать за него, то неправильно укажут уровень гемоглобина, и с таким низким не допускают до химиотерапии, то очередь не дождешься, в общем «мокрой морде и ветер на встречу»..., но это у всех так, все проходят через это, а еще от нас, как от тифозных шарахаются..., а те, кто не шарахается, денежек на нас хочет заработать... А последнее время, начали талантливых и отзывчивых врачей практически преследовать, будто и нас, и их со света белого сжить хотят... В общем всем не сладко... Живешь вот так вот, а вокруг люди в своей полупустой жизни существуют, даже не видя что бесценным обладают – здоровьем...

Знаешь, я ведь и благодарна этой «штуке» (онкологии), она ведь, как пришла, я начала постепенно мир окружающий по-другому видеть, многое переоценила, вот знаешь, как-то не боюсь без денег остаться, если увижу, какую-то кошечку или собачку, когда покупаю им поесть, а когда и домой беру, даже, если денежка последняя – она то не может заработать, а у меня есть кусок хлеба дома и немного масла..., а они такие отзывчивые, все свое тепло тебе за это отдают, будто подзаряжают...

– Кать, ну ведь ты из сил последних выбиваешься! Так ведь не выздороветь!

– Ну ведь они, как ты же... Вот тебе отказать, все равно что им, а им, все равно, что тебе... Не правильно это – Господь дает нам нужное, а не нужное и не допускает, все планы не нужные, лишние, вредные, рушит...

– Ну а о себе-то подумать?...

– А что о себе, я давно отучилась жить для себя, опираясь на «хочу»..., мне давно немного достаточно и, знаешь, сколько излишков сразу появилось, сколько времени..., да и силы экономлю, правда их все меньше и меньше, но и их учусь распределять – вот недавно пролежнем две недели лежала, под себя даже ходила, а сейчас видишь...

– Неужели и мне и так же придется... Не хочу, не хочу я так!!! Я ведь еще молодая, у меня только жизнь началась...

Таких истерик Екатерина Козлова видела десятки, сама через них проходила – это неизбежно, человек, всячески, в течении всей своей жизни, гонит от себя мысли об окончании своего существования здесь, отчаиваются при этом только не верящие в бессмертность души. Жизнь человека, «познакомившегося с онкологией, причем не только заболев ей, но сопереживая близкому или став Настоящим Врачом онкологом, быстро меняет его мировоззрение, на прожитое им, на смысл жизни. Впуская в себя многое из существования и переживаний другого себе подобного существа, не особенно привыкнув считаться с чужими нуждами, желаниями, планами, здоровьем, образом жизни, бытом, семьей, любовью, счастьем, ни с чем, вы неожиданно замечаете многое близкое и чуть ли не родное, что несправедливо попадает под удар, который в одиночку вынести почти не возможно. Враг не приходит один, но человеческое существо впускает в себя множество – опаснейшие из них: отчаяние, неверие, непреодолимый страх безысходности.

Человеческие существа давно привыкли и мирятся с существованием внутри себя миллиардов других полезных и не очень, болезнетворных и смертельных при определенных условиях микроорганизмов, мало кто это осознает, большинство вообще не думает, некоторые даже специально впускают в себя паразитов, скажем ленточных червей, надеясь похудеть, но как в организм падает именно эта зараза – не известно никому! Клетки этого перспективного недуга внедряясь в организм находятся в ожидании своего дня, как говорят врачи: «До своего рака доживет каждый, если раньше не умрет» – кажется, смерть от чего другого – это единственный способ обмануть его. При этом факт остается фактом – это заболевание предпочитает хороших людей, плохому человеку редко перепадает честь быть атакованным онкологией...

Почему так? Богу виднее...

Мы все знаем, что нет безгрешных, но множество среди нас таких, которые большей частью своего сознания на стороне Спасителя, хоть и не осознают это, впрочем, для нас они

обычные, как и все, но «Господу виднее»! Им совсем немного не хватает, что бы сделать окончательный выбор в пользу света, но они просто не задумываются над этим.

А действительно, чего не хватает человеку, что бы в духовном плане сравняться с Ангелами? Перечень практически бесконечен, а в принципе – любить Бога и все созданное Им больше себя!...

И что же не хватало Екатерине, если именно такой она и была?...

Мы люди, но и у нас часто много случается не по-человечески! Читаешь в Евангелии о двух сыновьях, одни из которых поначалу отказал отцу в исполнении его просьбы, но после, застыдившись голоса собственной совести, сделал просимое родителем, как и должно быть; второй же с готовностью согласился и подчинился, но ничего не сделал.

В человеке два начала, если так можно выразиться: одно настоящее по образу Божию, второе поддельное ему же. И борются они друг с другом непрестанно, бывает даже уже победив, одно из них, всю жизнь главенствует, но перед самой смертью, вдруг уступает, и вот – в чем найдет нас Господь восходящими к суду, в том и судить будет...

Мы не знаем, что происходило в душе и пламенело на сердце этой мужественной женщины, но мы знаем, что было следствием этой борьбы – любовь и только любовь!...

Сил ходить уже не было, поэтому Катя согласилась посидеть со спящим малышом в своей машине, пока Аля отправилась в поликлинику сдавать бесплатные анализы, узнать о занятии очереди к врачу, получить кое-какие бумаги.

Этот волонтер, скорее сам нуждался сейчас в помощи, но опасения стать ненужной, бесполезной, совсем повиснуть на чьей-то шее, не смочь содержать дочь, при этом, от куда-то взявшаяся убежденность, что мир что-то потеряет, если она не выполнит обязанность, возложенную на себя, чего не сможет принять своим сердцем и рассудком, придавала ей всегда достаточное количество сил в самое нужное время.

По всей видимости, сейчас был не такой промежуток времени и она обессиленная смотрела в след уходящей мамочке, с пониманием, что не может допустить и тени отчаяния у этой женщины, ведь, если ты чувствуешь поддержку, пусть и незнакомого человека, почему-то доверяешь ему, значит, это и есть часть того шанса, который тебе дарует Господь – бери и не забудь воздать Ему сторицей! А Ему – это значит нуждающемуся, которого Бог обязательно приведет к тебе, ведь часто Спаситель именно так и поступает, давая каждому..., КАЖДОМУ из нас свой шанс для спасения!

Только так человек может заработать сокровище, собираемое на Небесах, ибо другого с собой не взять, но копится оно в закромах Вечности, помимо нашего желания, и дай Бог, что бы сундуки были полны настоящих духовных ценностей, а не гнили в грязи жадности земной...

Невероятно но факт – эти люди умеют любить по заповеданному: «да любите друг друга, как Я возлюбил вас!» * («Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» – Евангелие от Иоанна Богослова Гл.13, ст.33).

«Господи, совсем еще ребенок» – подумалось Екатерине, провожающей усталым взглядом удаляющуюся новую подругу. Позвонив Тане Ермак, рассказала об Алевтине, сказала, что хочет помочь ей:

– Если ее сейчас не поддержать, не направить, свихнется совсем... А ведь сейчас очередной трудный период..., предыдущее она переборола, но сейчас с таким ужасом столкнется..., я пока с ребенком ее...

– А где она, Катюшь?

– Да в поликлинику пошла, анализы сдавать...

– Эх, нужно было ей в платную, наверное, сейчас намучается...

– Ну лучше своего опыта-то нет ничего, а потом я то здесь... Да и денежек, честно говоря нет у нее совсем, ты ж знаешь, сейчас очередной депутат-умник выдвинул предложение мате-

рей-одинок лишить пособия, а другие поддержали, видно им этих копеек не хватает презервативы, чтобы себе подобных не плодить! Ну пусть – если не мы, то кто же поможет?!...

– И у нас на счету голяк! Эти двести тысяч за один день по ребятам разлетелись...

– Хм... Да уж, а у нас в стадион уже вбухали уже почти пятьдесят миллиардов, а в нем и чаши нет пока...

– Аййй! Что ж такое то, разрываешься, разрываешься..., вот скажи мне, зачем нужна была Олимпиада за такие деньги, ну вот зачем?! На них же можно было помочь всем и в прошлом, и в настоящем, и в будущем!!! Ну вот нахрена мне этот стадион, когда у меня муж с этой заразой борется..., невероятно!!! ну ведь каждая семья, рано или поздно, с онкологией встречается, а у нас шаром покати! Только сказки одни! У нас с тобой половина лиги в «Бозе почило», оставшись без помощи! О программах лечения, реабилитации, диагностики на каждом углу кричат, да что эти две с половиной программки для всех – как капля воды для миллион жаждущих! В болях без анальгетиков, в нищете, потому что все продали, ради лечения, которое полностью так и не получили, а мы к Олимпиаде говились, пятьсот дней до ее начала праздновали! ну вот привести бы этих чиновников и бизнесменов, хапнувшись столько, что не унесешь, поставить перед болящими и их родственниками и заставить объяснить зачееееем им это предпочтение!

– Танюшь, родная, ну ведь прошло уж..., Бог с ними со всеми...

– Нет! Нет! И нет! Так нельзя! Ведь копейки же нужны по сравнению с этими стадионами, копеейки! Ну не возможно же – каждый шаг с боем и это при прописанной в конституции бесплатной медицине! Вот зачем о ней писать, каждый год праздновать ее существование, если она не соблюдается, не выполняется, будто не существует. Ну написали бы, к примеру: «Каждому гражданину Российской Федерации может предоставляться не бесплатные здравоохранение или образование, или право на работу, а хрен на постном масле!» – ну вот тебе Крест Святой, ну никто бы не обиделся – хрен так хрен, не обещали и не обещали!

– Танюшь, ну что уж теперь, не мы властны над этим миром, а князь мира сего – падший ангел, был Денницей, а стал дьявол..., нельзя же ему уподобляться, ну!

– Да я так устала, нервов не осталось, никому не верю почти, вот только вам... Ребята вон помогают байкеры, вот не любят их, как только не называют, а они сколько положительных эмоций нашим ребятам дают... Да и так помогают... Ну ты пока на «посту»? Смотри, сама-то вымоталась уже...

– Да..., что-то из машины выползти не могу, а в туалет приспичило...

– А ты ж вроде бы в памперсах последнее время то ездила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.